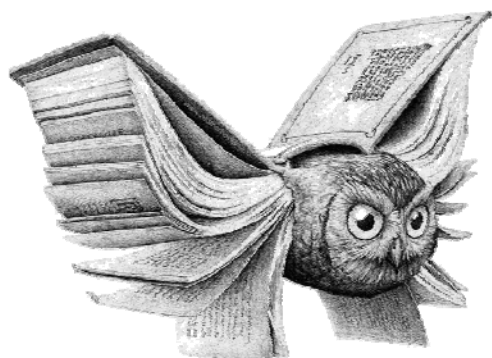
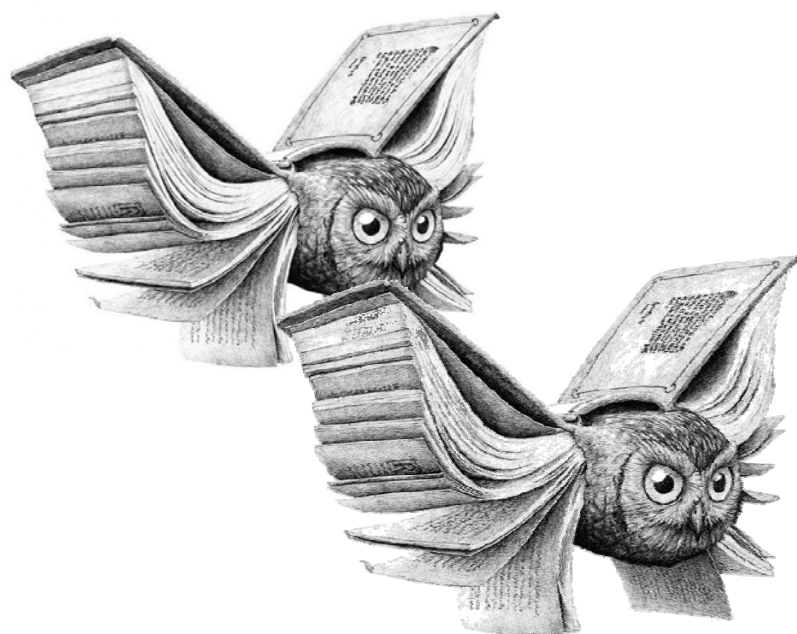

№ 2 (17)' 2020
Июнь

СОФИЯПОЛИС

**Электронный научный журнал
гуманитарных исследований**

Редакционный совет

Арапова Э.Б. – кандидат философских наук, доцент Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор, Тюмень

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА", старший преподаватель кафедры политологии Забайкальского государственного университета

Янков И.В. – кандидат философских наук, независимый исследователь (г. Екатеринбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	7
Крылов Д.А. Самодержавие: российская версия абсолютизма (к теории трех «С»)	7
Амир Ст-н. Пандемия: страсти по новому миру	40
РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	51
Горковенко А.Е., Петухов С.В. Интерпретация как наррация: опыт филологического прочтения рассказа Алексея Сальникова «История про самый дорогой тариф, живой журнал и ангела смерти»	51
Петухов С.В., Горковенко А.Е. Языковые маркеры войны в сборнике рассказов Ю. Бондарева «Мгновения»	58
РАЗДЕЛ III. NEMO NASCITUR DOCTUS	63
Суранов Н.В. Влияние международный НПО на политические процессы в отдельных странах	63

ОТ РЕДАКТОРА

Из сказок нашего леса, улуса, царства и страны с особым типом цивилизации, формируется ментальная матрица. Поэтому, естественно, что рассказывать об этой стране нужно не в научных трудах, которые здесь не читают, а все в тех же сказках, баснях и небылицах. Вот, скажем, написал бы Александр Радищев свое «Путешествие из Петербурга в Москву» не в виде документального повествования, а в виде побасенок о глупцах и дорогах. Сама бы императрица только посмеялась над невежеством своих подданных, а автора наградила парой-другой десятков душ крепостных. Ей, как просвещенной правительнице, хотелось слышать только восторги и восхищения, но никак не «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

Мог же писать и о чудищах, но не о Цербере, точнее, о тех злоупотреблявших властью царях, которые принуждены смотреть на себя в аду в зеркало и видеть себя в виде чудовища. Вредные умствования не приводят к тому, чтобы власть предержавшие деспоты услышав голос разума раскаялись. В итоге, едва не казнили.

А вот взять, к примеру, дедушку Ивана Андреевича Крылова, чьё 250-летие со дня рождения отметили в прошедшем 2019 году. Ерничать себе он позволял даже по поводу царских обедов и поваров, но ведь звали же к столу. Освоив язык Эзопа, манеры и вымысел Жана де Лафонтена, он принялся за вечную тему нравов. Досталось от него неким, а не конкретным, попам, генералам, сановникам, чиновникам, но, в основном, дальше высмеивания испорченных нравов и дурных обычаев дело как-то не шло. Баснописец и над собою готов был подтрунивать. Он прекрасно помнил о той грани, за которую переходить не стоило. За едкую сатиру никого не жаловали. Его журнал «Почту духов» прикрыла все та же «просвещенная» императрица Екатерина II, прекрасно понимавшей, откуда «ноги растут» и чем может закончиться «эпоха памфлетов». Ведь критика это всегда критика, даже если она и выражается в виде пасторальных поучений.

Но власть предрержащие прекрасно понимают, что управлять людьми можно не только через грубую силу, но и, создавая иллюзии, которые как бы подменяют суровую действительность. Отчего же не допустить в неких пределах насмешки над глупыми воеводами, чиновниками или попами. Умный служивый или смекалистый крестьянин не меняют сути отношений и не покушаются на власть. Священная серьезность требует разумности, тогда как грубая шутка ориентирована в основном на эмоции и смех. Поэтому ручные придворные шуты всегда ценились, а уличных скоморохов и памфлетистов настойчиво преследовали. Неподконтрольное своеволие, ставившее под сомнение право на запрет или разрешение социальных действий, несло в себе зародыши свободомыслия. Не случайно, что именно в царствование Петра I исчезают как культурное явление ватаги скоморохов, и тем самым были завершены официальные гонения, происходившие под эгидой власти и церкви на протяжении XVI – XVII веков.

Скоморошество как языческое антиповедение, выражавшее стремление к свободе и веселью, объявлялось служением демонам, деянием, заслуживающим наказания в Аду:

«...Чародеи все изыдут во дьявольский смрад...
...Пьяницы изыдут в смолы кипучие,
Блудницы изыдут в змии во лютыя,
Еретики и клеветники изыдут в преисподния,
Смехотворцы и глумотворцы в вечный плач.
Комуждо будет по делам его».

(Безсонов. Калики перехожие)

Установка на закрепощение людей, приручение их к тяготам земной юдоли, исключали вольность, которая к тому же предполагала побег от труда. Этот аспект обозначил в своих исследованиях М.М. Бахтин, указав на то, что если в Европе количество карнавално-праздничных дней доходило до трех месяцев, то в России их было порядка 140. Отсюда же черпала свою силу вера в чудо, которое не требует исполнения трудовых повинностей, а в одно мгновение дарует земные блага. Поддерживать такие умонастроения никогда не входило в планы власть предрержащих, подменявших народные праздники

официальными празднованиями, сообразующимися с принципами ритуальной целесообразности. С устной традицией было бороться сложнее, но и здесь благодаря насаждаемым властью и церковью единомыслием и единообразием, постепенно подавлялся дух самости. По крайней мере, с проявлением его, как и с наказанием за спонтанное хулиганство или отказом от подчинения, уже не было особых проблем. Лишь бы только люди не прозрели и не увидели, что король то голый. Поэтому за интеллектуалами и скептиками всегда приглядывали особо, приближая тех, кто на это соглашался, и, устраняя тех, кто на манер французских «бешеных» терпеть не мог «чисто одетых».

Заметим, что в 1917 году в России именно это и произошло, когда карнавальные настроения в соединении с пришедшей в упадок системой верований подтолкнул народ к обретению искомой свободы. Хотя, по итогу, всё свелось к поиску нового вождя, но от монарха отвернулась даже церковь, приветствуя наступление новой эры и падение цезарепапизма.

Осуждение проявлений народного свободомыслия не завершилось вместе с окончанием царской эпохи и уже в советское время вылилось в борьбу с распространением политических анекдотов и неподобающего советскому человеку поведением. Идеология выполняла здесь роль всё той же системы крепостного права, где шутить могли только на бытовые темы назначенные юмористы. Была, правда, советская сатирическая публицистика, которая терпелась, хотя и выглядела как трава, едва пробившаяся сквозь железобетон идеологической цензуры. Личный опыт мировосприятия был недопустим и подозрителен. Внешняя санкция прописана в культурной матрице и поддерживается властью, игнорируя запросы на индивидуальное развитие. Поэтому и оставалось людям, что верить в чудеса и сказку, как в способ отмены существующих правил. Но и для самовыражения себя и своего мнения был свой особый путь – эзопов язык.

Путь иносказания в сочетании с языком сказки или небылицы, как бы скользя по поверхности бытия и не тревожа глубинных политико-социальных

оснований, вносил сомнение в неизменность порядка. Для жаждавших глотка свободы и ищущих истинное знание, такое завуалированное откровение позволяет почувствовать несовершенство тотально устроенного мира. Искусственные стены самовластия требуют постоянного ремонта, роста запретов и ограничений. И если власть предрержащие, готовы противостоять таранным ударам, то им крайне сложно справиться с подкопами, ведь опираясь на двоедушие и подобострастие, они не в состоянии разглядеть подтекст.

Власть должна внушать страх и почтение, а не быть объектом насмешек и небылиц. Поддерживая социум в пралогическом состоянии в условиях слабой рефлексии, деспотии не допускают вытеснения собственной значимости иными формами бытия. Самоирония здесь также невозможна и предосудительна, ибо сакральное требует поклонения и веры в свою над и всемирность. При этом собственная принадлежность к исторически сложившейся социально-культурной матрице власть предрержащими игнорируется. Не случайно, отметим, что Россия – это страна мнимостей, имеющая фасад европейского государства, но с азиатско-деспотическим содержанием. Онтологическая ущербность не позволяет изменить условий сосуществования власти и социума, точнее, тех масс, которые прошли соответствующую доместикацию и обречены жить в соответствии с готовыми лекалами. По-сути, это исторический тупик и периодически появляющиеся окна возможностей совершенно не случайно так и не привели к положительному результату. Да, но...

Пока не привели и наш краткий разговор не бесполезен, так как речь идет о той двойной драматургии, которая не исчезала в России никогда. И ни одни диссиденты с их партизанскими вылазками или нигилисты с их скепсисом, наносили урон власти, но и сам народ мыслил о ней отнюдь не только с точки зрения страха, но и насмешки.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

САМОДЕРЖАВИЕ: РОССИЙСКАЯ ВЕРСИЯ АБСОЛЮТИЗМА (К ТЕОРИИ ТРЕХ «С»)

Аннотация: Автор считает, что в основании политического устройства в России лежат три принципа: самовластие, самозванство и самодурство. В данной статье эти принципы последовательно рассматриваются и анализируются. Самодержавие оказывается родом привычки, которая приводит к повторам в меняющемся мире. Отказ от вредной привычки не может быть механическим, а связан с существенными изменениями в мировоззренческой картине и сознании людей. Задача автора – показать тот вред, который наносится обозначенными принципами развитию здорового общества.

Ключевые слова: Самодержавие, самовластие, самозванство, самодурство, здоровое общество.

AUTOCRACY: RUSSIAN VERSION OF ABSOLUTISM (TO THE THEORY OF THREE "S")

Annotation: The Author believes that the basis of the political system in Russia is based on three principles: autocracy, imposture and samodurstvo (the power of madcaps). In this article, these principles are consistently considered and

analyzed. Autocracy turns out to be a kind of habit that leads to repetitions in a changing world. Giving up a bad habit can not be mechanical, but is associated with significant changes in the worldview and consciousness of people. The author's task is to show the harm caused by these principles to the development of a healthy society.

Keywords: Autocracy, despotism, imposture, samodurstvo (the power of madcaps), healthy society.

Введение

Автократия в России продолжает оставаться превалирующей формой организации политической власти. Все попытки обнаружения некоего перехода к демократии, рассуждения о гибридности путинского режима, оказываются на поверку пустыми разговорами. Пресловутая «вертикаль власти» с самого начала указывала не на восстановление управляемости страной, а на выстраивание административно-бюрократической иерархии ориентированной на первое лицо в государстве. Отсутствие политической альтернативы, содержание ручной (системной) оппозиции, постоянный рост запретов и ограничений, отсутствие реально действующих институтов сдержек и противовесов, указывает на типическое поведение власть предержащих. На протяжении всей своей истории, начиная с формирования Московского княжества, в России неизменной формой правления признавалось самодержавие.

Известный историк А.Л. Янов насчитал одиннадцать попыток избавиться от диктатуры самодержавия в России, полагая, что двенадцатая будет связана с депутинизацией страны [38]. Будучи сторонником идеи о том, что в стране возможен западный путь, он верит в то, что можно вырваться из своеобразной исторической колеи. По мнению Н.С. Розова, мы попали в очередную тупиковую ситуацию: «Трудно спорить с тем, что динамика первых двух десятилетий развития постсоветской России привела ее в очередной исторический тупик. Действительно, пока не видны социальные

силы, способные вывести из него страну» [28, с. 6]. Впрочем, он верит в животворящую силу идей, что, как нам представляется, слабо соотносится с его же исследованиями цикличности в производстве российской власти.

Поэтому, думается, ранняя работа В. Паперного «Культура Два» более реалистична. В ней противопоставляются две периодически сменяющие друг друга культуры: Культура 1 – эпоха размягчения (растекания) политической системы; Культура 2 – застывание и кристаллизация общества на фоне избыточной централизации российского мира. Эта двухфазная модель искусственная конструкция позволяет рассматривать происходящее в стране с точки зрения коротких циклов или жизнедеятельности в режиме маятника [19, с. 18, 19]. Отметим, что процесс «растекание – затвердевания» дает представление о довольно устойчивой модели, которая с разными вариациями определяет российскую жизнедеятельность. При этом, как не парадоксально, но тот или другой сегмент этой жизнедеятельности реализуется с примерно одинаковыми энергетическими затратами и строгой направленности. Люди оказываются неспособными к тому, чтобы самостоятельно выбрать «третий путь». Просто, вектор, направленный в будущее, меняется в одночасье на вектор, направленный в прошлое и все строем начинают туда идти.

Показательно, что сам В. Паперный попытался описать возможность появления «Культуры Три» и пришел к неутешительному выводу: «Честно говоря, эта экологически-авангардная культура 3 кажется мне сейчас утопией. Убедительного ответа на вопрос, заданный в подзаголовке этого эссе, у меня сегодня нет» [20]. При этом он приводит довольно интересную типологию тех, кто пытался представить будущее России: «самобытников», подразделяемых на положительных и отрицательных, и «западников», которые им разделены на «потом-западников» и «уже-западников». И если, как нам представляется, он симпатизирует западникам, то, скорее потому, что не является сторонником «вечного сталинизма» или «цезарепапизма» в России. Увы, исследователь имеет вполне обоснованное видение того, что

Россия – это страна, где политическая жизнь подчинена воспроизводству автократического идеала.

По мнению А.С. Ахиезера, расколотое общество обречено на совершение «маятниковых» движений. Как серьезный ученый он стремится к обоснованности своих умозаключений. Хотя над ним и довлечет представление о самобытности России, он не делает из этого некую основополагающую и безусловную ценность. В конечном итоге, любая страна никогда не является вещью в себе. Катастрофы не происходят там, где для этого нет условий. Исследователь констатирует случившееся: «Россия вновь разметала ненавистное начальство и сегодня, в состоянии разрухи, мучительно перебирает, опробует свои старые мифы. Общество вступило в новый период, исполненное апокалипсических ожиданий. Новый поворот истории требует от страны новых усилий, направленных на выявление ранее скрытых от общества его собственных реальностей. Как бы ни были трагичны для людей резкие исторические изменения, они дают основание для поиска внутренней критики общества, тех процессов, которые могли бы отвести страну от края пропасти, обеспечить ее органичное гуманистическое развитие» [4, с. 44].

Интересно, чтобы он написал сейчас, когда ненавистное начальство и старые автократические порядки вернулись обратно. Гуманистическое развитие не состоялось, хотя и в пропасть страна не сорвалась. Процессы энтропии в политических телах не линейны, скорость ее возрастания или затухания зависит от множества факторов.

Ученый уделяет большое внимание воспроизводству, то есть повторению, где сбои и мутации разрушают сложившийся порядок вещей и культурные устои, разрывают внутренние связи. Именно утрата единства или консенсуса, по мнению А.С. Ахиезера, выступает в качестве доказательства того, что произошла именно катастрофа, а не локальные изменения. Впрочем, думается, катастрофы не всегда приводят к гибели политического тела, выступая лишь в качестве некой черты, за которой начинается

воспроизводство прежнего «на новый лад». И как не парадоксально, но в итоге мы получаем жизнь в своеобразном круге «вечного возвращения». Авторитарная власть здесь воссоздается на манер феникса из пламени огня и ей и только ей принадлежит актуальное настоящее. Постоянно загоняемый в пассивное состояние социум лишь изредка просыпается, но только для того, чтобы снова заснуть. Поэтому никакого роста рефлексии, о котором писал известный российский культуролог, в России и не происходит, а самокритика не достигает своих целей.

Простите, но есть ли смысл тогда рассуждать о судьбе страны, зависшей в собственном прошлом? В самом понятии судьба скрыто предначертание свыше, фатум или рок, зависимость от эсхатологии, где исчезают смысл человеческой воли и значение разума. Главное, что теряется сам смысл настоящего, которое рассматривается как еще несостоявшееся будущее. И если что-то здесь предопределено, то это некие намеки на грядущее. Увы, люди часто заблуждаются и не понимают, что любые изменения должны происходить в настоящем, а не в отложенном будущем, иначе мы обречены на вечные повторы. И не стоит обманываться по поводу того, что ходим мы не в дерюгах и лаптях, а в древности люди самолетов, компьютеров или автомобилей не знали. Ведь то, что, в одном случае, способствует развитию общественных отношений, в другом случае, служит инструментом для массового подчинения себе подобных.

Воспроизводство авторитарии происходит в условиях сохранения отрицательной идентичности, формирующей закрытые политико-социальные системы с низким горизонтом событий. Здесь не может быть места для множества стремящихся к признанию людей. Природа авторитарной доместики такова, что не иерархические отношения не признаются в слабо рефлексующем и пассивном социуме. Поэтому, если человек начинает стремиться здесь к реализации внутреннего потенциала, он вынужден встраиваться в архаическую модель организации властных отношений. Разумеется, что отбор проходили только те, кто вписывался в

систему служения всеильному правителю, попирал низших и подневольных, демонстрируя мощь автократического правления. Как пишет Р. Пайпс: «Это был замкнутый круг: русские люди поддерживали автократию, потому что чувствовали себя бессильными, и они чувствовали себя бессильными, потому что автократия не давала им никакой возможности ощутить свою силу» [18, с. 47].

И пока, судя по происходящим в жизнедеятельности современной России событиям, переформатирование исторической матрицы самодержавия не предвидится. Собственно говоря, этой проблеме и посвящена данная статья, описывающая триединую основу российского самодержавия: самовластие, самозванство и самодурство.

1. Самовластие или узаконенный произвол

В своей «Истории Петра» А.С. Пушкин записал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» [26, с. 413]. Опубликовать этот вывод он планировал только после раздумий.

Нам неизвестна причина сомнений, но выдающийся русский поэт одним этим предложением дал представление об особенностях русского самодержавного правления, где разумные действия сопровождались столь же неразумным самовластием. Ведь Петр I был, несомненно, автократическим правителем, стремившимся контролировать все сферы жизнедеятельности своих подданных, которых он не рассматривал иначе, как собственных слуг. Его «Табель о рангах» подвел своеобразную черту под тем, чем настойчиво занимался Иоанн IV Грозный, истребляя знатные роды.

Ведь именно тогда родилась по-настоящему «империя царей», абсолютных властителей, провозглашавших, «мы, великий князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский князь, царь Казанский и царь Астраханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский и вотчинный государь и обладатель земли Лифляндской Немецкого чина, Удорский, Обдорский, Кондинский и всей Сибирской земли и Северной страны повелитель» [22, с. 165].

Можно до бесконечности искать истоки московской автократии то ли в византийском наследстве, то ли в перенятых обычаях Золотой Орды, сути политического режима это не меняет. Вся полнота власти здесь принадлежала одному человеку, тогда как остальной социум вне зависимости от своего социального статуса рассматривался лишь с точки зрения наличного ресурса. В духе М. Фуко, скажем, что здесь проявилась в полной мере политика, связанная с надзором и наказанием. Раздача привилегий, титулов, вотчин и иных наград всегда носила вспомогательный характер, подчеркивая зависимость от суверенного носителя власти – царя. Перед ним и только перед ним и его наместниками и надо выслуживаться. Деспотическая власть не терпит проявлений самости, а чтобы пресечь ненужный скептицизм, институт самовластия получал санкцию свыше. И тот же Иоанн IV, подчеркивал, опираясь на слова апостола Павла: «"Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти кроме как от бога: тот, кто противится власти, противится божьему повелению". Воззри на него и вдумайся: кто противится власти – противится богу; а кто противится богу – тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн» [22, с. 124].

Вольнодумство в таком социуме сродни ереси и отступничеству от веры, имеет внешнюю причину. Критикующая Н. Радищева просвещенная

императрица Екатерина II, прямо увидела угрозу своему самовластию в заимствовании чуждых идей: «Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства» [Зажигательная]. Ей намного проще было отвечать иностранцам, критикующим русские властные традиции, чем терпеть умствования собственного подданного.

Разумеется, что о деспотичности своей власти императрица не думала, ведь ей тогда бы пришлось признать право людей на самостоятельность в суждениях. В своем «Антидоте» она решительно отсекает любые факты, направленные на характеристику ее подданных, их образ жизни или обычаи, как недостоверные. Императрица уверена в том, что в России нет ничего такого, чего нет в Европе, и если там король издает законы и существует парламент, способный их отвергнуть, то здесь есть государь и сенат [10, с. 239]. Как говорится, внешняя форма отменяет необходимость изучения содержания, и этот аспект сохранен в современной России, где, скажем, есть Дума, но нет Европейского парламента.

Ведь это не случайность, что история парламентаризма в России началась только после революционных событий 1905 года, когда Николай II «даровал народу незыблемые основы гражданских свобод», – Конституцию. Известно, что в первой общероссийской переписи населения в 1897 году в графе «Занятие» царь записал: «Хозяин земли Русской» [23]. Как и его предшественники, он рассматривал себя в качестве самодержца и собственника страны. Ни о каком понимании монарха в европейской традиции, как первого среди равных, здесь нет. Создавая Государственную Думу, Николай II никогда не собирался делиться властью. И если вспомнить историю, то само понятие Дума было заимствовано из прошлого, став своеобразной пролонгацией идеи Боярской Думы XV века. Сам этот законосовещательный орган просуществовала до начала XVIII века и

действовал он по принципу «с государева доклада и со всех бояр приговора». Этот же принцип был воспроизведен в идее М. Сперанского о Госсовете, где вся инициатива в принятии законов принадлежала царю.

У В.О. Ключевского мы обнаруживаем важные рассуждения об особенностях российского законотворчества: «На Западе закон есть политическая сделка двух властей – короны и законодательного собрания; у нас он есть воля одной верховной власти, но обыкновенно внушаемая Советом, что и выражается в самой формуле высочайше утверждаемых мнений Государственного совета: "внявши мнению Совета", "быть по сему". Но западный порядок законодательства основан на мысли о равенстве двух властей; у нас в основание этого порядка положена мысль о средствах и условиях для наиболее правильной и осмотрительной выработки новых законодательных норм» [12, с. 395].

Характерно, что Александр I согласился с введением Госсовета, но не принял предложение М.М. Сперанского о создании той же Думы, где предполагалось, что данный политический институт будет инициировать принятие законов. Он не мог допустить изменений, которые в корне меняли бы самодержавную форму правления. Бюрократические институты были для него более понятны и соответствовали представлениям о самовластии и слугах, призванных выполнять волю самодержца.

И если в свое время (1908 г.) министр финансов В.Н. Коковцев сказал, глядя в глаза депутатов Думы, что «в России, слава богу, парламента нет», то стоит ли удивляться современной рецепции этой идеи: «Парламент – не место для дискуссий». В расширенной версии своей идеи, спикер Государственной Думы Б.В. Грызлов со всей простотой откровенно заявил: «Мне кажется, что Государственная Дума – это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью» [21]. Понятно, что в своем нынешнем положении этот законотворческий орган просто вписан в

известную «вертикаль власти», выполняя роль современного фасада для прежних деспотических отношений.

Иллюстрацией к этому тезису могут служить постоянно принимаемые Государственной Думой законы, фактически направленные на ограничение прав и свобод граждан и вводящие новые налоги и поборы. В современной России продолжает воспроизводиться принцип, сформированный в древности, когда княжеский двор жил за счет сбора дани и не нес каких-либо обязательств по отношению к податному населению, не признавал за ним права гражданства. Как пишет Дж. ЛеДонне, именно тогда и был создан политический строй, где «правлящий класс представлял собой конгломерат покровительственных сетей, логическое продолжение во времени и пространстве средневековой дружины, для которой нескрываемая цель правления всегда состояла в том, чтобы жить за счет населения, не имея понятия долга перед общим благом и признания высшей преданности, под которой все должны были подписаться. Административным костяком конгломерата была сеть приказов, которые вершили правосудие, собирали доходы и распределяли добычу в виде выгодных назначений на должность воеводы и рекомендаций по наделению землей и крестьянами» [39, р. 297].

Сходной позиции придерживается, в частности, и Р. Пайпс, указывая на тот консерватизм, который служил целям воспроизводства сильной централизованной власти, унаследовавшей политическую культуру Византии и монголо-татарских правителей [18, с. 17]. Не отдавая предпочтения ни одному из названных источников, можем признать их общим началом московского самовластия. В любом случае или Ставка хана Москвы, или столица цезаря Третьего Рима, перед нами тиранический ордунг, где все определяется исключительно волей или своеволием правителя.

С теоретической точки зрения, в данном случае мы рассматриваем основополагающий принцип самодержавия – самовластие. Оно структурирует все остальные отношения и коммуникативные связи в социуме. Любые отклонения в сторону снижения ценности самовластия

представляются как утрата исходного культурного кода. Весь социальный космос здесь выстраивается вокруг одного источника власти и мощи, который порождает благо или забирает жизнь. Все остальные источники производства власти подавляются, превращаясь в тела, вращающиеся вокруг этого центра. Как написал прот. Георгий Флоровский, пытаясь объяснить подчиненность Церкви светской власти в России: «Государственная власть самоутверждается в своем самодавлении, утверждает свою суверенную самодостаточность. И во имя этого первенства и суверенитета не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то вобрать и включить Церковь внутрь себя, ввести и включить ее в состав и в связь государственного строя и порядка. Государство отрицает независимость церковных прав и полномочий, и самая мысль о церковной независимости объявляется и обзывается «папизмом». Государство утверждает себя самое как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности и творчества. Все должно стать и быть государственным, и только государственное попускается и допускается впредь» [33, с. 83].

Персонализация власти или отождествление политического тела с индивидуумом, превращает человека в то самое «государство – это я». Тем самым, приобретение самовластием своей завершенности рассматривается в России как приближение к идеалу, тогда как самоограничение и рассредоточение власти, воспринимается в качестве утраты формообразующей основы. В этих условиях, затвердевание, о котором пишет В. Паперный, оказывается необходимым условием для возвращения в прежнее состояние. Культура 2 является базисной, канонизируемой помпезностью и ориентирована на возвеличивание системного вождя. Как пишет исследователь, «идея Рима, помноженная на Святую Русь, возникает в русской культуре неоднократно» [19, с. 57]. Заметим, что идея собственной вселенной и исключительной неповторимой цивилизации воспроизводится с той же периодичностью.

Воспроизводства Рима мыслится здесь через утверждение образа царя, этой искаженной кальки с римских императоров – цезарей или цесарей. Есть только одна поправка, до Ивана III, царями называли ханов Золотой орды. Получался довольно странный симбиоз. Необходимость получения ярлыка на великое княжение, ставило русских князей в подчиненное положение и потребовался титул, чтобы подчеркнуть свой особый и независимый статус. По сути, речь идет именно о симбиозе, так как если бы мы говорили о кальке с титула византийского императора, то пришлось бы ответить на вопрос, а почему именно царь, а не басилевс, автократор или *dominus* (господин)? Думается, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости понимания того, что именно ханы обладали в те времена всей полнотой власти, были самовластными правителями.

Здесь мы имеем уже не культурную, а политическую традицию, связанную с воспроизводством определенного типа власти. Вплоть до наших дней правители должны быть автократическими вождями, что в итоге и обеспечивает существование практическую неизменность «долгого государства». На этом зиждется вся российская государственность и можно согласиться с высказыванием В. Суркова о том, что «большая политическая машина Путина только набирает обороты и настраивается на долгую, трудную и интересную работу. Выход ее на полную мощность далеко впереди, так что и через много лет Россия все еще будет государством Путина» [31]. И не смотря на всю конъюнктурность рассуждений идеолога из Кремля, он не противоречит известным историческим фактам и соответствующим им тенденциям. Государство им рассматривается целиком в аспекте его инструментального предназначения – быть орудием защиты и нападения. Все это проистекает на фоне существования «глубинного народа», который существует в качестве некоего фона для действующего внешне государства. Разумеется, что об общественном договоре речи не идет, а лишь о силе почвенности, поглощающей любую энергию.

Вот только не на доверии держится этот самобытный мир, как пытается утверждать В. Сурков, а на принятии по умолчанию парадигмы вечного самодержавия. Ведь оно, как считали славянофилы, освобождало народ от «мерзости» политики [11, с. 27]. Поэтому, даже после своего формального изгнания в 1917 году, самодержавие де-факто продолжило свое существование, отстранив людей от участия в принятии политических решений, заменив его карнавалами и постановочными спектаклями.

Вне контроля со стороны социума самовластие всегда будет связано с произволом, оставляя в головах людей смутную надежду на воцарение доброго и мудрого правителя. Издержки такой формы правления всегда значительны, а результат достигается не благодаря последовательным и обдуманым действиям, а рывком и прихотью. Деспотия здесь прорывается наружу постоянно, детерминируя административно-бюрократические и клановые отношения, ставя волю правителя и произвол выше интересов и волю других людей (*Sic volo, sic iubeo, sit pro ratione voluntas*).

2. Самозванцы, трикстеры и симулякры

Особенностью деспотии является то, что такой правитель окружает себя не лучшими людьми, а теми, кто стремится ему угодить. Иные, стремящиеся к самореализации своего потенциала, должны вызывать опасение. В свое время, Герман Оберт, столкнувшийся с глупостью тех, кто должен принимать решения, предложил термин «какократия». Греческое слово «κακός» переводится как худший или плохой. Власть худших не возникает там, где идет отбор пригодных и эффективных, где люди конкурируют между собою в открытом обществе. В традиционных, то есть закрытых обществах, для появления отрицательной селекции создаются практически идеальные условия. Здесь господствуют иррациональные формы организации политической жизнедеятельности, а предрассудки играют ведущую роль.

В условиях, когда в качестве претендента на тот или иной пост оказываются порядочный человек и подлец, то успеха достигнет последний. Проблема здесь связана с тем, что высокая концентрация власти ведет к снижению этических норм. Следствием этого становится соответственно высокая степень концентрации самих какократов во власти: «Если бы это было иначе, Земля уже 5000 лет была бы раем. Гибель Древнего Рима связана, в частности, с тем, что огромные размеры Римской империи породили неограниченную власть какократии» [27, с. 352].

Хотя, как считает автор идеи, политический режим не играет в этом процессе заметной роли, думается, что именно в представлении о концентрации власти скрыто золотое зерно самой идеи. Наиболее благоприятные условия для появления какократии создаются автократиями и деспотическими политическими режимами. Таким образом, самовластие выступает системным фактором, способствующим производству среды для обитания и достижения успеха теми, кто по своей природе являются самозванцами.

Одними из основных характеристик поведения трикстеров, плутов и обманщиков, считаются игнорирование ими принятых норм и представлений, отсутствие желания придерживаться линии добра. Они не различают добро и зло, используя ситуацию для собственного блага или спонтанно возникшего желания. Не вторгаясь в сферу рассмотрения мифологических или фольклорных прототипов, мы будем говорить о тех, кто под маской двуличия проник и стал частью властных институтов.

Но можем ли мы считать появление трикстеров или самозванцев своеобразной издержкой цивилизационного развития, где статичный социум выделяет из своей среды радикалов? Разумеется, можно экстраполировать развитие идеи из свойственной детям проказе и шалости, которые не исчезают под гнетом доместикации, а лишь загоняются внутрь. Но, одно дело, когда шалость осуществляется ради самой шалости и не имеет развития, не превращается во что-то большее. Другое дело, когда речь идет об

удовлетворении далеко идущих планов, выстраивании жизненной стратегии. Это уже не стремление подучиться, которое возникает как реакция на скуку повседневной жизни. Здесь мы видим проявление презрения к себе подобным, того самого цинизма, который формируется в провластной среде. Поэтому едва ли стоит удивляться тем заявлениям, которые делают в наши дни, обеспеченные чиновники, псевдонародные избранники, банковские служащие, спортсмены или артисты. Самое, теперь уже ставшее классическим, высказывание принадлежит Д.А. Медведеву: «Денег нет, но вы держитесь». Это сокращение высказывания до крылатой фразы имело явно циничное завершение: «Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья!».

В комедийном фильме «Всемирная история: Часть 1» (1981 г., режиссер Мел Брукс) есть сюжет, когда обращаются к сенаторам Рима и спрашивают о том, стоит ли им строить дворец за дворцом для богатых или построить жилища для бедных? В ответ сенаторы говорят: «Бедные перезимуют!». Параллель между высказыванием премьер-министра и ответом сенаторов очевидна и она потрясает своей издевкой и насмешкой над народом. И чтобы заставить власть имущих пересмотреть отношение к народу всегда требовалось нечто большее, чем мольбы о помощи.

Процветания в жизни довольно сложно достигнуть там, где для этого требуется внешняя санкция. Деспотизм деформирует волю людей, направляя ее в русло единого почтения и повиновения. Даже в своей современной форме деспотизм не меняет собственной сути и, как писал Алекс де Токвиль, «эта власть делает все менее полезным и редким обращение к свободе выбора, она постоянно сужает сферу действия человеческой воли, постепенно лишая каждого отдельного гражданина возможности пользоваться всеми своими способностями. Равенство полностью подготовило людей к подобному положению вещей: оно научило мириться с ним, а иногда даже воспринимать его как некое благо. После того как все граждане поочередно пройдут через крепкие объятия правителя и он вылепит из них то, что ему

необходимо, он простирает свои могучие длани на общество в целом. Он покрывает его сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой. Он не сокрушает волю людей, но размягчает её, сгибает и направляет; он редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе. Он ничего не разрушает, но препятствует рождению нового. Он не тиранит, но мешает, подавляет, нервирует, гасит, оглушает и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство» [32, с. 497].

Теперь мы стали ближе к пониманию того, что в подобных условиях только те, кто уже испорчен, корыстолюбив, циничен и алчен, могут достигнуть известных высот. И именно из них формируются властные круги, концентрирующиеся вокруг единого центра власти. Трикстеры – это антигерои, точнее они маленькие копии или симулякры протагониста, правителя, выступающего в качестве главного «героя» на собственном микроисторическом этапе существования. Будучи самозванцами, они не могут быть носителями собственного я, а подменяют его тем, что объявляют себя носителями высшей воли. И в этом своем качестве они легко могут быть причислены к жертвам политического режима. Вот только существуют они именно благодаря системе самовластия, являясь ее производной.

Данное явление, разумеется, может иметь место и в открытых, ориентированных на демократические устои, обществах, но там приходится учитывать саму специфику выдвижения наверх. Сошлемся на идею Ф. Фукуямы, о различных формах идентичности, когда, в одном случае, происходит борьба под эгидой «мегалотимии» (желанием быть признанным высшим), а в другом случае, борьба связана с «изотимией» (желанием уважения) [35]. Понятно, что в социумах автократического типа, уважение к людям выглядит как нонсенс, но зато всячески подчеркивается статус человека. И стоит ли в таком случае удивляться, скажем, тому, как в

современной России власть предрержащие относятся к правам и свободам человека. Они их просто не понимают. Самозванцы борются за статусные места и награды, воспринимая людей лишь в качестве биоресурса или функции. Ведь в конечном итоге, как говорится, «кладбища полны людей, которые считали себя незаменимыми».

Но это, скажем, только один аспект проявления самозванства, которое в России непосредственно связано с властью. В другом своем аспекте это явление выражается через понимания того, что и сам верховный носитель власти может оказаться самозванцем. Ожидание доброго царя или его освобождения от злых слуг выступает в качестве коллективного мифа, который сродни ожиданию спасителя. Такой царь должен быть подлинным, но его могут и подменить. Характерно, что мифология о подмене подлинного царя мнимым жива до сих пор. В свое время родился миф о том, что во время заграничной поездки был подменен царь Петр I, а в наши дни родился миф о том, что Россией управляет ненастоящий Путин. Периодически всплывают различные пророчества и предсказания о возрождении России через восстановление монархии. Извращенные западные традиции при этом отсекаются как искажение подлинного бытия.

Самодержавие как бы признается чем-то предначертанным в вечности и грядущем в истории страны. Следующий царь «будет един и всем понятен, Его учует самое сердце русское» и далее: «Имя Его трикратно суждено Истории Российской. В Нем Спасение и Счастье Державы Российской. Пути иные сызнова были бы на русское горе... И чуть слышно, будто боясь, что тайну подслушают стены, старец Авель нарек самое имя. Страха темной силы ради, имя сие да пребудет сокрыто до времени...» [14].

Подобные пророчества ориентированы на праалогическое мышление инфантильных масс, пребывающих в пассивном ожидании чуда. Ведь все, что от них требуется, это ожидание события. В самом мифе ожидания можно обнаружить гностические начала, связанных с пониманием того, что этот мир пребывает во зле, а в последующем должна произойти его трансформация.

Более того, весь мир подчинится истинному правителю и его народу – народу-богоносцу. Таким образом, ожидание прихода подлинного царя, действующего по силе рока, вполне свободно уживается с неустроенностью россиян в настоящем, несправедливостью власть предержащих, продажностью, воровством и постоянным обманом. Ведь мир продолжает пребывать во зле и беззаконии. А самозванцы лишь пена дня, которая однажды исчезнет.

Самозванство в России существует благодаря некогда созданной системе кормления, которая породила автократическую моноцентричную клиентелу. Ослабление системы центральной власти в 90-е годы не повлияло на последующее восстановление единовластия, а вместе с тем и форм контроля за периферией и региональными группами. Важным моментом в этом процессе было то, что финансовые потоки и решение любых более или менее значимых вопросов были перенаправлены в центр. Таким образом, была переутверждена политическая роль центра и главы государства, а заодно и воссоздана система связанного социума. На самостоятельность в принятии тех или иных решений можно было больше не рассчитывать. На смену едва возникшей конкуренции пришли подковерные игры, интриги, сговор, подлог, лицемерие и обман. И в этих условиях, надо понимать, самозванцев в принципе не получится отсеять. Более того, они превращаются в фактически ведущую силу по формированию системных отношений, в центре которых находится обладатель власти-собственности, правитель, первый патрон и субъект, обладающий абсолютным правом на собственность и ресурсы в государстве, в том числе и на подданных.

Правда, эффективность таких отношений, как и затраты по их поддержанию, мягко сказать, оставляет желать лучшего. А в наиболее плачевных ситуациях мы видим, как включается механизм ручного управления. Ведь трикстер существует только для себя. И его, скажем, патриотизм не более чем брехня во имя политеса, ведь так принято. Тем самым производится девальвация значений, превращение слов в пустой знак.

Какократы неизменно будут заниматься порчей представлений, подменяя их шумом, аксессуарам и ритуальными телодвижениями. Реальность здесь исчезает, как исчезает и понимание того, что люди живут не в мифологизированном и театрализованном прошлом, а в реальном мире. Ведь их принуждают к отправлению карго-культа, рассказывая об утраченном величии и оскорбленном достоинстве. Идет постоянное разрушение коммуникативных связей, ведущее к исчезновению социального как такового. Об этом писал в свое время Ж. Бодрийяр, указывая на то, что пока большинство молчит, во всю раскручивается механизм симуляции, который он рассматривает в качестве мировой тенденции. Отдача от подобных действий из-за поглощающей способности масс все меньше, а в итоге система соскальзывает в пропасть [5, с. 33]. Там, где это принимают, есть шанс не превратить ситуацию в безысходную, найти золотую середину. Но едва ли это способны понять самозванцы, с упоением рубящие дерево российской государственности на котором они так неплохо устроились.

Отсутствие новых перспективных идей, способных оживить социум или, по крайней мере, затормозить энтропийные процессы, которые, как представляется, приобретают целенаправленный характер. Паразитирование на углеводородах, лесе и иных ресурсах из недр страны давно выглядит не как пресловутое ресурсное проклятие, а как проявление устойчивой замкнутости мышления. Будучи производной от самодержавия самозванцы не в состоянии выйти за пределы низкого горизонта событий и тех практик, которые связывают их, заставляя двигаться в одном единственном предписанном направлении. Свою жизнедеятельность они реализуют только пользуясь благосклонностью правителя, являясь членом допущенного к кормлению клана или воруя, живя с процентов от откатов. Подлинностью здесь обладают только стремление к деньгам, помпезности и патологическая жадность. А вот симулякры и самозванцы уже везде и во всем, даже самодержавие в современной России – это тот же симулякр, да и царь не настоящий.

И если попытаться найти аналогию, скажем, с Протагора определения человека, как меры всех вещей, но получится довольно печальная ситуация: симулякр – мера всех вещей существующих и несуществующих. При этом родственность всех трех понятий, самозванство, трикстеры и симулякры, нами рассматриваются как некая деструктивная целостность, порожденная фиктивным состоянием общественной жизни в условиях самовластиа.

3. Россия во власти самодурства

В российской традиции устойчиво воспроизводятся два типа взаимоотношений: первый, «я начальник – ты дурак», и второй, «командир (начальник) всегда прав».

Впервые, как известно, понятие самодурства было введено А.Н. Островским в пьесе «В чужом пиру похмелье»: «Самодур это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он всё свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежат, а то беда...» [17, с. 10]. На фоне общего невежества это явление приобрело повсеместный характер, хотя в пьесе речь шла только о купечестве. Будучи напрямую связанным с самовластием самодурство выступает как крайность, когда человек получающий власть начинает дурить, заставляет подчиняться своим капризам и не желает прислушиваться к мнению и доводам других людей. Как правило, с другими людьми такой человек не считается и их не уважает, не терпит пререканий, ведет себя неуравновешенно, выражает гнев, барствует.

И возникло это явление в России, как писал А.С. Афанасьев-Чужбинский, благодаря крепостному праву, когда все отношения выстраивались не в соответствии с законами, а исходя из положения человека: «Если вникнуть глубже в тогдашний общественный строй, и припомнить всю провинциальную обстановку, весь умственный застой и грубые обычаи, то невольно придешь к заключению: отчего же было и не

самодурничать, когда расходившийся нрав, имел так мало препятствий и мог выказывать себя со всем ухарством разнузданного безобразия. Но самодурство, разлитое так сказать в воздухе и отражавшееся на многих сторонах жизнедеятельности, приняло, наконец, хронический характер» [3, с. 2].

Не менее убедителен и В.Г.Белинский в своем письме к Н.В. Гоголю: «Поэтому Вы не заметили, что Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр - не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [25].

Отсутствие развития в общественных отношениях, деспотический строй, требовавший неукоснительного подчинения носителю власти, сделали произвол частью властно-подчиненных отношений. Сложившиеся во времена крепостного права отношения не исчезли и после его официальной отмены в 1861 году. Ибо касались они не только произвола помещиков по отношению к своим крепостным крестьянам. Вся система самовластия была пронизана слепым подчинением воле правителя. И если вспомнить чудачества того же императора Павла I, насаждавшего нелепые порядки, то вел он себя не лучше вздорного помещика. В своем окружении он видел только слуг и относился к людям как слугам, не считаясь с их заслугами и статусом. Так он вернул

отмененное прежде телесное наказание для дворян, именитых граждан и белого духовенства, уравнив тех с прочим податным населением. По слову Э.Я. Эйдельмана, Павел I с его полицейским бюрократизмом был сторонником «непросвещенного самодержавия», со всеми вытекающими из этого выводами [37, с. 146].

Отсутствие традиции уважения человеческого достоинства довольно устойчивая тенденция в российской практике, где собственное невежество компенсировалось фактическим запретом на сомнения в действиях начальствующих. Самовластие по определению не может быть ограничено и выстраивается по вертикали, создавая то, что у П. Бурдьё представлено в качестве символических полей, из которых, в свою очередь, строится социальное пространство. Итогом оказывается сверхцентрализация, заполняющая собою все пространство жизнедеятельности. Именно сверхцентрализация и формирует общий ментальный строй в отношениях, создавая своеобразный «дух» власти. Его матрица накладывается на всю систему коммуникативных связей, где есть начальник, и есть подчиненные. Поэтому, многое здесь будет зависеть лишь от того, жесткого или мягкого авторитаризма придерживается принимающий решения.

Притеснения являются неизменной частью существования подобных отношений, ведь наказания или угрозы наказания остаются необходимым условием для поддержания авторитета. Способность к такому поведению полностью снимает необходимость в понимании того, что делаешь. Для этого есть слуги, или те, кто на манер крепостных прикреплен к своему руководителю-господину и лишен права быть самостоятельным. Дополнением к таким отношениям служит появление холуев и лизоблюдов, готовых восхвалять своих господ и попирать тех же слуг. То есть поведение ретранслируется сверху вниз, детерминируя социальные отношения.

В свое время Ф. Ницше задался проблемой существования двух типов морали – господ и рабов. В своей работе «К генеалогии морали» он писал о том, что мораль рабов одержала победу над аристократическими

представлениями. Естественно, что за этим скрывалась религия с ее благой вестью для бедных и фальшивым состраданием к человеку. Иудея победила Рим, – таков его вывод [15, с. 782-783]. Впрочем, сам по себе этот вывод не несет в себе ничего выходящего за рамки идеализации одного и принижения или отрицания ценности другого. Мыслителя не интересует то, что и мораль господ и мораль рабов могут быть крепко взаимосвязаны, а «свободный» ум не является производной от аристократических представлений. Вся система отношений сформирована «связанными» умами и теми устоями, которые сложились и воспроизводятся из поколения в поколение.

Стоит вспомнить рассуждения Аристотеля, который явно выражал позицию рабовладельца, доказывая, что полезно быть рабом тому, кто «по своей природе – рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает». Для мыслителя очевидно, что «одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо» [2, с. 383, 384]. Опираясь на эти рассуждения, мы можем сделать интересный вывод о том, как Аристотель оказался учителем Александра Македонского. Ведь последний видел не только в окружающих его людях, но и друзьях, инструмент для воплощения в жизнь собственных желаний. Достаточно упомянуть сожженный им город Персеполь, чтобы оценить склонность царя к самодурству. Как самовластный деспот он с легкостью принял обычаи возвеличивания и практику обожествления правителей, принятые в покоренных им странах.

Пример с Александром Македонским служит для понимания психологии самодура, как человека развращенного властью. Он выглядит одновременно и как герой, и как антигерой, будучи по своей природе сумасбродом, человеком игнорирующем здравый смысл и благоразумие. И

речь идет не о безобидных чудачествах или стремлении быть экстравагантным.

В письмах к Луцилию Сенека писал: «Несчастливого Александра гнала и посылала в неведомые земли безумная страсть к опустошению. Или, по-твоему, здрав умом тот, кто начал с разгрома Греции, где сам был воспитан? кто отнял у каждого города то, что там было лучшего, заставив Спарту рабствовать, Афины – молчать? <...> И Гнея Помпея не разум и доблесть убеждали вести войны, междоусобные и внешние, а безумная страсть к ложному величию. Он шел то на серторианские войска в Испании, то против пиратов, чтобы установить мир на морях; но все это были только предлоги продлить свою власть» [29, с. 228-229]. Философ-стоик был уверен в том, что ум помрачен заблуждениями, которые почти невозможно изменить поучениями. Держать безумцев в узде можно только предупреждением и порицанием.

Теперь обратимся к тому, что самодурство может быть нормой для поведения. Особенно это заметно там, где даже минимальная власть обеспечивает безграничные возможности по притеснению подчиненных. Лишь только самые вопиющие случаи хамства со стороны должностных лиц становятся темой для обсуждения в стране, где постоянно говорят об уникальности собственной цивилизации и великих традициях. Россия и впрямь заповедный край для самовластной традиции и если сегодня расхожими стали рассуждения чиновников о том, как прожить на 3500 рублей в месяц или, питаясь пресловутыми мокорошками, или, «государство не просило вас рожать», то как-то подзабылось отношение допущенных к власти бюрократов, которые говорили войнам-афганцам: «Мы вас туда не посылали». Причастность к делу и телу власти в буквальном смысле превращает людей в самодовольных и циничных правителей. Они возвышаются над себе подобными, становясь как бы другим народом.

Президент России В. Путин высказал озабоченность проблемой хамства чиновников и произнес риторическую фразу: «Строже надо подходить к тем, кто хамит, но занимает при этом какое-то должностное

положение. Действующий закон позволяет принимать необходимые решения и в отношении таких должностных лиц, которых нужно выметать из органов власти и управления» [6]. Практической пользы такое заявление в условиях поддержания системы единовластия, полагаем, не имеет. Все рассуждения «за народ» здесь оказываются не более чем формой речи, так как податное население должно исполнять волю руководителя и его заместителей, но никак не наоборот. Государство, а не народ выступает в России высшей ценностью, которому и необходимо служить как некой сверхсущности. Не случайно, что тема развития гражданского общества, так и не выходит за рамки все той же формы речи, призванной показать, что у нас ситуация не хуже, чем на Западе.

Декларативность гуманитарных побуждений со стороны власти связана не со стремлением к изменению автократических отношений, а с тем, как ее оценивают со стороны. Ведь внутренние оценки негативного плана она старается купировать. С какой стати, народ будет указывать на то, что лучше, а что хуже, что правильно, а что ошибочно? Для пресечения давления со стороны общества как раз и был принят «закон об оскорблении власти» (Федеральным законом статья 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (мелкое хулиганство) дополняется частями 3–5. Вступил в силу 13.03.19), который, по своей сути, мало чем отличается от монархических законов об оскорблении величества. Достаточно вспомнить воинский устав Петра I, где прямо указывалось: «Артикул 20. Кто против его величества особы хулигательными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен» [16].

И если теперешний указ не требует казни человека, покусившегося на авторитет начальства, то находится как бы в противоречии с задекларированным в Конституции России положением о том, что «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (Ст. 3. п.1). Поэтому, те

правки, которые были внесены в новую редакцию Основного Закона страны и выглядят как абсурдные. Все в России определяется властью, от которой и исходят «нужные» решения, а сомневаться в этом не стоит, так как «начальник всегда прав». Суверенитет может исходить от народа, но только в качестве формального тезиса, тогда как на практике, тот, кто осуществляет властные полномочия, является подлинным сувереном. И по иному автократы не мыслит своего существования, утверждая свои права на притеснения все того же народа.

Самодурство опирается на принцип непогрешимости власти, не признающей допущенные ошибки. Идеальной формой коммуникативных отношений здесь признаются казармы, где военачальники выступают в роли отца и Бога. Общеизвестна многократно воспроизведенная в анекдотах нелепость армейских приказов, где, круглое – носить, а квадратное – катать, далеко не самый выдающийся перл военных самодуров. И едва ли можно говорить о развитии социальных отношений, устанавливая режим тотального контроля и запретов для народа, усиливая полицейские функции и порождая тем самым произвол тех, кого наделяют властью. Ведь, как говорили еще в советское время, «докопаться» можно и до столба: «Пройдемте, гражданин столб». А в наши дни, когда властью разрешены одиночные пикеты, этот суррогат права на свободу выражения своего мнения, мы наблюдаем аресты людей, которых суды штрафуют по надуманным основаниям. И это ли не самодурство, но не отдельных людей, а всей системы самовластия?

Самовластие дегуманизирует отношения, создавая образы высших и низших существ. Здесь силе отдается предпочтение перед законом, воспринимаемом в том же силовом ключе. Повторим уже высказанную Ф. Фукуяма идею о борьбе под эгидой «мегалотимии» (желанием быть признанным высшим) с «изотимией» (желанием уважения) [35]. Гипертрофированное превосходство облеченных властью людей над податным населением не предполагает уважения, а значит, и соблюдения правил приличия. Обладая статусными преимуществами, руководители и

чиновники начинают дуреть или самодурствовать, доказывая свою власть и система им в этом не препятствует, ибо они являются ее частью. Требование повиновения и покорности лишает людей чувства собственного достоинства, порождая уныние, пассивность, страх, лицемерие и стремление к обману.

То, что речь идет именно о системе властвования и ее институциональном оформлении не вызывает сомнений. На это, в частности, обратил внимание И. Адизес, увидев несоответствие между поведением простых людей и как бы им чуждой системы административного управления, под которую осуществляется противоестественная подгонка. Этот стиль управления не связан с системой провозглашаемых ценностей [1, с. 129, 130]. Административно-командная система неизменно будет разрушать неподконтрольные ей горизонтальные социальные связи. Тем самым, подрываются основания для свободомыслия и, соответственно, возможность предупреждения и порицания злоупотреблений властью. Поэтому так важно, чтобы общество было максимально закрытым и обставлено флажками традиций, где важнейшую роль играют табу или запреты.

В самой системе уже заложен механизм по реализации «эффекта Люцифера», о котором писал американский психолог Ф. Зимбардо. Зло исходит от системы, направленной на умаление человеческого достоинства, где сама система разрешает творить произвол от своего имени [9, с. 16]. Самодурство в такой системе не более чем один из вариантов предписанного поведения, главное, чтобы не нарушалась субординация и границы властного ареала. Цинизм политической системы действует разрушающе на всех, кто, так или иначе, оказывается ею поглощен. Ведь Левиафан довольно прозорливое существо, страдающее множественными заболеваниями и пороками. Концентрация огромной власти не совпадает с идеей Томаса Гоббса о прекращении бессмысленного насилия и не связано с идеей некоего блага для всех тех людей, которые пожертвовали своей свободой ради общей безопасности.

Система порождает определенное поведение, связанное с самой ее сутью и если речь идет об автократии, то именно она создает наиболее благоприятные условия для существования самодурства. В контексте понимания того, что самодержавие является именно такой крайней формой концентрации власти, не стоит удивляться тому, что заболевание давно приобрело хронический характер. А высокомерие и чванство несут на себе те же не изживаемые родовые признаки административно-командной системы управления.

Выводы

Воспроизводство своеобразно воспринимаемых традиционных устоев всегда оказывается в конфронтации с современным миром. Наблюдая за происходящими в современной России, процессами приходится говорить не о развитии, а ретроградном движении, стремлении вернуться в идеализируемое прошлое. Все исторические формы властвования в стране как бы находятся вне своих различий, определяясь «родством по крови» с исходной моделью московского самодержавия. Власть здесь всегда должна была быть огромной, никем и ничем не ограниченной.

Учитывая, что речь идет только об условных параллелях, но идейная близость выглядит потрясающей, когда мы обратим свой взор на учение китайских легистов. Легизм стал идейной основой для формирования особого мировоззрения, отринувшего гуманистические воззрения конфуцианцев о почитании старших, ради придания воле правителя неуклонной силы закона и рока. Покорность была возведена в высший принцип государственного управления: «Коль власть жестка с народом и рукой железной правит – то сильна держава. И сей порядок надлежит блюсти Правителю, тем власти не давая, кто жить рожден внизу» [36, с. 67].

Идеи легистов, как известно, не исчезли после смерти императора Цинь Шихуанди, периодически становясь популярными, пока не получили свое

реальное воплощение в деятельности Мао Цзэдуна. Великий кормчий хвалился тем, что превзошел правителя древности: «Мы поступили как десять Цин Ши-хуанов. Я утверждаю, что мы почище Цин Ши-хуана. Тот закопал 460 человек, а мы 46 тысяч, в десять раз больше. Ведь убить, а потом вырыть могилу, похоронить – это тоже означает закопать живьем» [30].

Здесь можно провести искомую параллель, так как, думается, Мао Цзэдун не случайно с таким почтением относился к И.В. Сталину. Он не смог примериться с наступившим во времена Н.С. Хрущева разоблачением «культы личности» и отказом от политики массовых репрессий в Советском Союзе. Ему импонировала политика Сталина, где он видел прямое воплощение идей легизма, оформленных в представления о непрекращающейся классовой борьбе. Положение полновластного правителя и непререкаемого авторитета ему также было понятно. Не случайно, после смерти вождя сложилось мнение о том, что Сталин собирался провозгласить себя императором, но не успел [20].

И даже, исключая, прямые заимствования, следует указать на то, что воззрения «китайского Макиавелли» изучались не только в Поднебесной. Труд Шан Яна был известен в СССР и как замечает М. Давлетбаев, генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. Антропов с вниманием читал «Книгу правителя области Шан». По его мнению, действующий президент России В.В. Путин также близок к взглядам китайских «законников». Провозгласив «диктатуру закона», он принялся за утверждение своего непререкаемого авторитета и искоренение свободомыслия [7].

Установка на единство как неизменное условие для существования автократической власти оказывается идеей, корни которой можно обнаружить в IV веке до н.э.: «Правитель мудрый сделает народ рабом Единства, запретив сужденья всем о делах своих, к полям людей направив и простоту в умах укоренив. Нет в мире лучше подданных таких – без прекословья, спора, рассужденья они легко свою жизнь отдадут Мечу и Хлебу» [36, с. 51]. Здесь мы видим установку на слияние сознания людей в

единое целое, которое приводит к практическому искоренению различия, когда люди перестают понимать, кто они такие. Об этом, в частности, писал Ф. Перлз, указывая на те патологические изменения, которые происходят с людьми в таких условиях, когда они уже не осознают границ между собой и другими и теряют способность контакта даже с самим собой [24].

На фоне все возрастающего самовластия обезличивание людей погружает общественные процессы в прозябание, поглощая их жизненную энергию. В центре всей властной конструкции находится самодержец, «который предвидит, оценивает, повелевает, раздает все необходимое и дозволенное другим людям, заменяя им таким образом разум, волю, воображение, чувства, ибо под этим гнетом ни одному созданию не положено ни дышать, ни любить вне рамок, очерченных заранее высочайшей мудростью» [13, с. 474]. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что сплошь и рядом рождаются злоупотребления, а пресыщенные властью чиновники и начальники творят беззаконие под прикрытием идеи служения государству. Лишенному политической воли народу остается только пассивное ожидание мифологического счастья.

Движение в России исходит сверху, а не снизу, где социум уподоблен материи пребывающей в условиях низкого горизонта событий и лишен собственного бытия. Соответственно, вся как бы активность происходит вокруг провластного ядра, где и наблюдаются обозначенные три «с» – самовластие, самозванство и самодурство. Система выступает здесь в качестве жестко фиксирующей решетки или центра мощного гравитационного поля, не позволяя менять существующую форму административно-командной системы управления. Тем самым, система препятствует процессам развития социальных связей на горизонтальном уровне, которые рано или поздно должны были бы повлиять на ее существование. Самодержавие неизменно коллапсирует, разрушая частные миры и формируя закрытую общественную систему. Жизнь в такой системе неуклонно идет к завершению, хотя процессы энтропии и занимают

длительное время, но как только приток внешней энергии заканчивается, а заимствования носят сугубо имитационный характер, деградация вступает в свои права.

Естественно, что в таких условиях лишаемый собственной энергии социум утрачивает творческий потенциал и влечит существование больных людей. Их страшит будущее и им хочется спрятаться в прошлом, которое уже отжито и фактически мертво. Как писал, в частности, Э. Фромм, как отдельный человек, так и люди, находясь в состоянии отчуждения, превращаются в иррационально мыслящих патологических больных. Будучи людьми, находящимися в современных цивилизационных условиях, они стремятся вернуться в прошлое, воспроизвести детский (ранний) уровень развития [34, с. 78]. Учитывая, что в самодержавии заложена наиболее высокая степень отчуждения, то, соответственно, любые проявления самостоятельной активности должны гаситься, порождая пассивность социума, либо болезненные формы проявления самости, приспособляемой к нуждам системы. Разумеется, что такое приспособление может носить характер болезни, а не здоровья. И, к слову, это проявление болезненного состояния общественных отношений мы наблюдаем на примере того же самозванства.

Заметим, что в закрытых или полужакрытых обществах постоянно воспроизводится бинарное мышление, приучающее людей действовать в соответствии с существующими образцами поведения. Это препятствует внедрению нового, которое рассматривается как угроза неким устоям и традициям, призванным сохранять внутреннюю идентичность.

Дух самодержавия не только пронизал собою властные отношения, но и деформировал под себя ментальные матрицы, перезапускаясь на всех этапах эволюции российской государственности. И как бы там не рассуждали о стремлении народа к свободе, русская ментальная матрица ориентирована на деспотическую форму власти. Проявление спонтанности указывает здесь не на склонность к анархии, а на выплеск постоянно подавляемых эмоций, уход

от задавливаемых страстей. В этом нет привычки к рефлексии и желания уйти из-под опеки правителей, олицетворяющих собою единый национальный код. Сохранение этого кода подается как сбережение собственной социокультурной исключительности, прописанной едва ли не на небесах, где народ-богоносец призван выполнить великую миссию. Правда, для реализации этой миссии ему приходится «вставать с колен», на которые он приучен опускаться по первому требованию властей.

Список литературы

1. Адизес И. Политические озарения. М.: Рид Групп, 2012. 240 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
3. Афанасьев-Чужбинский А.С. Самодуры (из «Очерков прошлого»). СПб.: Книгоиздательство Германа Гоппе, 1892. 155 с.
4. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
6. Владимир Путин призвал «выметать» хамов с госслужбы // Рамблер/новости / URL: <https://news.rambler.ru/politics/43608114-vladimir-putin-prizval-vymetat-hamov-s-gossluzhby/> (Дата обращения: 01.04.20).
7. Давлетбаев М. Владимир Путин как легист // Партия 5 декабря / URL: <http://5dec.ru/blog/marat-davletbaev/vladimir-putin-kak-legist> (Дата обращения: 03.04.20).
8. «Зажигательная» и «дерзновенная» книга Радищева // Дилетант / URL: <https://diletant.media/articles/36498901/> (Дата обращения: 17.03.20).
9. Зимбардо Ф.Д. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. Б.м.: Альпина Диджитал, 2007. 420 с.
10. Каррер д'Анкосс Э. Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с франц. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 463 с.
11. Керимов В.И. Историософия А.С. Хомякова. М.: Знание, 1989. 64 с.
12. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 3. 558 с.
13. Кюстин А., де. Россия в 1839 году / пер. с фр. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
14. Ли Михаил. Пророчество Авеля о Грядущем Царе // Яндекс Дзен / URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e703d09c2f7601621cf9a9b/proro-chestvo-avelia-o-griaduscem-care-5eb0e224ad13e751c1019c87> (Дата обращения: 27.03.20).

15. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио», 1997. 1056 с.
16. Оскорбление величества // Википедия. Свободная энциклопедия / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения: 01.04.20).
17. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. М.: Искусство, 1974. Том 2. Пьесы (1856–1866). 808 с.
18. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.
19. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.
20. Паперный В. Культура три. Как остановить маятник? // Fplib.ru / URL: <https://fplib.ru/books/proza/essay/page-2-231225-vladimir-papernyi-kultura-tri-kak-ostanovit.html#book> (Дата обращения: 12.03.20).
21. «Парламент – не место для дискуссий» // Коммерсантъ / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1838005> (Дата обращения: 19.03.20).
22. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л.: Издательство «Наука», 1979. 431 с.
23. Переписной лист Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи, заполненный императором Николаем II // 400-летие Дома Романовых / URL: <http://romanovy.rusarchives.ru/nikolay-ii/perepisnoy-list-pervoy-vseobshchey-perepisi-naseleniya-rossiyskoj-imperii-zapolnennyu> (Дата обращения: 17.03.20).
24. Перлз Ф. Практика гештальттерапии // Библиотека фонда содействия развития психической культуры (Киев) / URL.: <http://psylib.org.ua/books/perlz01/index.htm> (Дата обращения: 06.04.20).
25. Письмо Н.В. Гоголю 15 июля 1847 г. (Белинский) // Викитека / URL.: [https://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_Н._В._Гоголю_15_июля_1847_г.__\(Белинский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_Н._В._Гоголю_15_июля_1847_г.__(Белинский)) (Дата обращения: 25.03.20).
26. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. Т. IX. 598 с.
27. Раушенбах Б.В. Пристрастие. М.: Издательство «Аграф», 2000. 432 с.
28. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий в России в XXI веке. М.: Новая политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.
29. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. 383 с.
30. Соловьев Р. Путь Мао // Проза.ру / URL.: <https://www.proza.ru/2009/11/19/595> (Дата обращения: 06.04.20).
31. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 11 февраля 2019 г. / URL: https://ng-ru.turbopages.org/h/ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (Дата обращения: 20.03.20).
32. Токвиль де А. Демократия в Америке / пер. с франц. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

33. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия / препринт. Вильнюс, 1991 599 с.
34. Фромм Э. Из плена иллюзий / пер. с англ. М.: Изд-во АСТ, 2017. 224 с.
35. Фукуяма Ф. Против политики идентичности // Newsland / URL: <https://newsland.com/user/4297678829/content/frensis-fukuiaama-protiv-politiki-identichnosti/6547379> (Дата обращения: 26.03.20).
36. Шан Ян. Книга власти. М.: Абрис, 2017. 256 с.
37. Эйдельман Э.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986. 368 с.
38. Янов А.Л. Спор о «вечном» самодержавии: от Грозного до Путина. М.: Новый хронограф, 2017. 568 с.
39. LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order 1700-1825. N.Y.: Oxford, 1991. 375 p.

УДК 32

Амир Ст-н,
независимый исследователь
e-mail: amirst-n@mail.ru

Amir St-n
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

ПАНДЕМИЯ: СТРАСТИ ПО НОВОМУ МИРУ

Аннотация: В статье рассматриваются противоречия между существующими глобальными вызовами и способностью человека к их решению. Формирование гуманистической парадигмы прокладывает себе путь через изменение исходных принципов существования биологического вида. Обретение разума продолжает оставаться нерешенной задачей. Поэтому и обретение нового мира оказывается не менее сложной проблемой. Без одного нельзя достигнуть другого.

Ключевые слова: Подлинные и искусственные ценности, эмпатия, новый мир, разум.

PANDEMIC: THE PASSION OF THE NEW WORLD

Annotation: The article examines the contradictions between existing global challenges and the ability of a person to solve them. The formation of a humanistic paradigm works its way through changing the basic principles of the existence of a biological species. Gaining intelligence continues to be an unsolved task. Therefore, the finding of the new world is no less difficult problem. Without one, the other cannot be achieved.

Keywords: Genuine and artificial values, empathy, a new world, reason.

Эти наброски не требуют последовательного прочтения текста, выступая в качестве коллажа на заданную тему. Люди, как известно, боятся больших текстов, так как их ум постоянно блуждает. Восприятие мира стремится к упрощению, когда тоже клиповое мышление не более чем этап в этом процессе. Противостоять этому своеобразному одичанию крайне сложно, так как речь идет о массах, а не носителях высокой культуры. Возможно, что именно по этой причине за подобными текстами будущее. Впрочем, хотелось бы ошибиться.

1. Мир уже не будет прежним, таким, каким мы его знали до пандемии Covid-19, – тезис, который сегодня используется людьми, желающими, чтобы произошли кардинальные изменения в мире. Хотя, надо полагать, есть и те, для кого это просто тема поговорить ради отвлечения внимания от кардинальной неспособности властей к адекватному решению проблем подобного масштаба. Естественно, что есть здесь и свои, так сказать, специфические послы, чтобы продемонстрировать не оценку причинно-следственных связей, а банальную реакцию на так сказать голые факты. Ведь мог же на Землю упасть метеорит?

2. Covid-19 появился как «черт из табакерки», и довольно быстро распространился по всему миру. Что с ним не так, точнее, с его происхождением, не так уж и важно. Не этот вирус, так другой поразил бы человечество, напомнив о прежних временах и той же испанке, унесшей за два года (с 1918 по 1920) жизни от 17 млн. до 100 млн. человек по разным оценкам [5]. Да и позднее, эпидемии гриппа довольно регулярно прореживали человеческую популяцию, что должно было бы озаботить людей не меньше, чем борьба с глобальным потеплением на планете. Согласно английского фундаментального руководства по вирусологии: «Вирусные болезни – одни из главных бичей человечества. К ним относятся оспа, желтая лихорадка,

бешенство, полиомиелит и др. Несмотря на успехи профилактики и почти полную ликвидацию наиболее опасных, смертельных вирусных заболеваний человека, вирусы тем не менее остаются самой распространенной причиной человеческих недугов, например острых респираторных и желудочно-кишечных заболеваний, а также таких серьезных хронических болезней, как гепатит и генитальный герпес» [1, с. 10]. Как говорится, и успехи есть, но и глобального решения проблемы нет.

3. Способность решения глобальных проблем определяется не в последнюю очередь и коллективным желанием, устремленностью к совместным действиям ради достижения положительного результата. И именно в этом мы не обнаруживаем искомого единства, когда, даже признавая войну несомненным злом, отказаться от нее не собираются. Идущие с древности представления о войне как силе и доблести, продолжают детерминировать поведение правителей и их воинственных подданных, держащихся за этот аргумент. Человеческие нравы всегда отличались избирательностью, деля мир себе подобных на своих и чужих. Более того, война сакрализуется, а героизм получает высшую санкцию. Как писал противник «усталого» современного мира Ю. Эвола: «... мы вновь находим отождествление войны с "путем к Богу". Воин пробуждает в себе трансцендентную силу разрушения; он принимает ее, преображается в ней и освобождается, таким образом разрывая все человеческие узы. Жизнь подобна луку, а душа – стреле, цель же – это высший дух; важно стать единым с высшим, как стрела едина с целью <...> Таково метафизическое оправдание войны и преобразование "малой войны" в "великую священную войну", также проливающая больше света на смысл традиций, связанных с преобразованием война или царя в бога в ходе битвы» [16, с. 173]. Он никогда бы не согласился с мнением Л.Н. Толстого о том, что «война – это безумие, заставляющее усомниться в разуме человека».

4. Иммануил Кант в своем трактате «К вечному миру» поднял вопрос о прекращении всякой вражды. Но посылом для его рассуждений стала надпись

на вывеске голландского трактирщика, где рядом было изображено кладбище. Место упокоения людей и их амбиций, страстей и желаний, действительно, приводит их к «вечному миру». Хотя, философа это и не устраивало, полагающего, что следует «установить» состояние мира, чтобы состояние войны перестало быть естественным состоянием для людей [6, с. 13]. Путь к этому он видел через отход от подданнических и в развитии гражданских отношений. В меньшей степени его волновала форма государства, считая более важным способ правления, который не должен был приводить к деспотизму. В идеально организованном с точки зрения всемирно-гражданского права мире, должен был действовать принцип «всеобщего радушия», исключавшего враждебность между людьми [6, с. 23]. Движение же к такому миру немецкий философ связывал с судьбой и проведением, ведущим к реализации условий целесообразности и возрастанию роли разума. Двумличие же политики по отношению к морали снималось гласностью, ориентированной на общие цели общества – счастье или удовлетворенность своим состоянием.

5. «Помни о смерти» (*Memento mori* – лат.), – фраза, родившаяся в Древнем Риме, и использовавшаяся во время триумфального шествия полководцев. Победитель должен был помнить о том, что он смертен, как и все люди. Хотя это, возможно, и позднейшая история, придуманная христианами ради морализаторства, понимание смерти как некоего итога было уже у древнегреческих мыслителей. Тогда же возникло и понимание ценности жизни, точнее, смысла в удовольствиях, которые, скажем, Эпикур считал, напрямую связаны со стремлением к получению достаточных минимальных благ. Сам мыслитель получал всю полноту наслаждений, довольствуясь водой, хлебом, философскими беседами с друзьями, отказываясь следовать за заставляющими страдать людей ложными домыслами: «В самом деле, ведь мы чувствуем нужду в наслаждении только тогда, когда страдаем от его отсутствия: а когда не страдаем, то и нужды не чувствуем» [4, с. 404]. В его учении практически нет гедонизма, который в

итоге приводит к праздности ума во имя пресыщенности телесными удовольствиями. Ведь философ говорил о том, что нельзя жить сладко, не живя разумно, как, впрочем, и наоборот. Не сторонник он и того, чтобы цель оправдывала средства. Эвдемонизм достигается минимальными средствами, не нанося ущерба окружающим людям. Цель жизни состоит в самой жизни, без которой всё, включая и кантовский долг, теряет свое значение.

6. Воззрения на ценность самой жизни нуждались в очистке от сопутствующих представлений и это произошло в начале XIX века. Гете нашел в словах «помни о жизни» иллюстрацию для послания живущим из мира мертвых, описывая «Зал Прошедшего»: «Сколько жизни в этой Зале Прошедшего, – вскричал он, с тем же основанием можно назвать ее Залой Настоящего и Грядущего. Так все было и так все будет! Преходящи лишь те, что наслаждаются и созерцают» [3, с. 446]. Эстетические переживания стали прологом к новому мировосприятию. Идею высоко оценил Ф. Шиллер, написавший в дружеском письме: «Надпись "помни о жизни" превосходна сама по себе, а еще более выигрывает от того, что напоминает о проклятом *memento mori* и так прекрасно торжествует над ним» [Переписка, с. 205]. Так, «*memento vivere*» пришло на смену «*memento mori*», став символом нарождающейся человечности. Ведь именно жизнь является абсолютным благом, а не наборы из принуждений и запретов, регламентирующих частную жизнедеятельность. В человечности не может быть принуждения, но всегда есть место для эмпатии, сочувствию и сопереживанию. Этого напрочь лишено авторитарное общество, заставляющее подчиняться и преклоняться перед объявляемыми сакральными ценностями. Но именно авторитарная форма организации общественной жизни оказывается наиболее адекватной исходному коду, заложенному природой. Героизация смерти, ее культ, лишает жизнь смысла как ценности в себе.

7. Мир не гуманен, он подчинен тем законам, которые призваны отбирать жизнеспособные виды и поддерживать пищевую цепочку. Но, придерживаясь этой позиции и, более того, приписывая ее высшей сущности

или силе, человечество заставляет усомниться в своем превосходстве и преимуществе разума над природой. Война всех против всех, о которой писал Т. Гоббс, есть лишь видоизмененная форма той самой естественности, которая прописана в природе. Мыслитель, помнится, был сторонником разума, но организованного на уровне государства. Его Левиафан идеально организованный организм, призванный наделить смыслом существование людей от правителя до последнего подданного. И чтобы не случились беды, людям следует поддерживать существование Левиафана – смертного божества. Отсюда проистекали и те ограничения, которые накладываются властью, но мыслитель оставлял возможность для отказа от подчинения, если нарушался принцип самосохранения. Впрочем, ценность Левиафана неизмеримо выше ценности жизни отдельно взятого человека, а отсутствие некоего сверхгосударства, как заметил Б. Рассел, сводит все отношения все к тем же войнам и захватам: «Пока существуют и борются друг против друга национальные государства, только низкая производительность может сохранить человеческий род. Усовершенствование вооруженных сил отдельных государств, при отсутствии в мире средств предотвращения войны, – это дорога к всеобщему уничтожению» [10, с. 662]. Заметим, что совершенно не случайно, именно процессы глобализации встретили такое мощное сопротивление со стороны национальных государств.

8. Войны – это не только не решенная проблема, но и, есть подозрение, не решаемая по определению, так как войны являются способом по решению иных проблем. Избитая фраза К. фон Клаузевица о том, что «война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [7, с. 27], послужила оправданием всем тем, кто уповал на насилие. В рассуждениях военачальника нет места для сентенций и он с военной четкостью говорит о том, что моральное насилие не существует вне представлений о государстве и законе. Физическое насилие лишь завершает действие, призванное навязать свою волю. Известна также и триада, которую Клаузевиц выводил в виде составных элементов войны. Это:

иррациональность, носителем которой является народ; неопределенность, связанная с действиями полководцев; разумность, за которой скрывается государство в лице правительства. Понятно, что иррациональное начало, как живущее исключительно эмоциями и простейшими желаниями, не способствует пониманию того, что образ врага носит зачастую искусственный характер. Народ вынужден жить в духе Горацио, говорившем «quidquid delirant reges, plectuntur Achivi» (за все безумства царей, расплачиваются их подданные). Не более самостоятельны в своем выборе и полководцы, призванные реализовывать чужие планы. Их разум скован, но не лишен воли, без которой невозможно добиться успеха. Хотя, заметим, именно за полководцами нужен особый надзор. Ну и, наконец, те, кто непосредственно облечены властью, носители прямых интересов. Насколько они разумны? Ведь, вынашивая враждебные намерения, они должны имитировать страсти, а не становятся их заложником. Принуждение масс к участию в войне и поддержке власть предержащих, несет на себе эмоциональную нагрузку страстей. Но, на самом деле, оно служит прикрытием для собственных интересов и враждебных чувств.

9. Объявление «конца истории», сделанное Ф. Фукуямой, сильно напрягло мыслителей, полагавших, что всё только начинается и человечество еще не вышло из младенческого состояния. Мы просто задержались в своем развитии и новая неолитическая революция не за горами. Впрочем, мало кто задумывается над тем, что именно в ходе неолитической революции зародилась и «тимотическая логика», на которую обращает свое внимание американский философ. Сама идея получила свое оформление благодаря Платону, который рассматривает различные состояния души применительно к идеальному полису. Именно в таком полисе культивируются мудрость, рассудительность и мужественность, порождающие основанную на разуме подлинную справедливость [9, с. 205]. Основой же для рассуждений послужил тимос, как специфическая оценка человеком собственной ценности, который, как считает Фукуяма, рождает не только светлое начало,

но имеет и темную сторону, становясь источником человеческих бед [14, с. 281]. Ведь именно во взаимоотношениях людей лежит корень всех конфликтов, а желание выделиться, завышенная самооценка и презрение к окружающим, рождает не уважение к другим – изотимию, а мегалотию, которая находит свое высшее выражение в поведении тирана. Самоуважение, – безусловно, слабая стратегия, свойственная людям, оценивающим себя как равных другим. Активная линия поведения на достижение превосходства достигает результата признания себя другими по факту господства над людьми. Не случайно, если вернуться к рассуждениям Платона, тот был озабочен воспитанием стражей, которые не должны были пользоваться своим превосходством над согражданами. Лишал он их даже возможности пользоваться золотом и роскошью, признавая умеренность в качестве универсального начала для поддержания благополучия в идеальном полисе. Вот только, стремление к превосходству отрицает даже намек на умеренность, которую тщеславие презирает. Не способно решить этой проблемы и направление зла на благо – жажду славы, так как остается нерешенным вопрос о господстве-подчинении. Только стремление к независимости и самоуважению может изменить ситуацию и подвести черту под историей мегалотимии, о грядущем упадке которой и писал Ф. Фукуяма [14, с. 293].

10. Готовность принять изменения, жить в условиях неопределенности и, соответственно, собственной активности. Еще Э. Тоффлер обратил внимание на то, что только незначительное число людей стремится к тому, чтобы жить в будущем – 2-3%. Тогда как в прошлом продолжают жить порядка 70% [12, с. 31]. И это обобщение выступает в качестве некой иллюстрации для понимания того, почему человечество не стремится меняться. Люди в своей массе инертны в том, что выходит за рамки усвоенных стереотипов поведения и воспроизводимых из поколения в поколение стратегий. То есть, они довольствуются отсталыми практиками и прежней системой оценок. Между тем, ситуация различается для культур,

имеющих национальные отличия и, соответственно, различие в стилях поведения, реакцией на происходящее. Голландский ученый Г. Хофстеде выделил шесть параметров, дающих возможность оценивать культуры в количественном диапазоне: «дистанцированность власти», «избегание неопределенности», «индивидуализм/коллективизм», «маскулинность/фемининность», «долгосрочная/краткосрочная временная ориентация» и «потворство желаниям/сдержанность». Для нашего анализа, прежде всего, важны рассуждения об избегании неопределенности, которая сковывает людей в их стремлении к новому и неизведанному: «Культуры, избегающие неопределенности, пытаются снизить возможность возникновения таких ситуаций с помощью строгих норм поведения, законов и правил, осуждения отклонений во мнениях и верой в абсолютную истину» [15, с. 22]. Страх перед неизвестным (агнософобия) имеет место в любом социуме в большей или меньшей степени, но там, где индивидуальность не поощряется, зависимость от уже сложившегося мировосприятия формирует склонность к низкому горизонту событий. Более того, именно domestikация играет первостепенную роль при определении идентичности, в том числе и политика по навязыванию идентичности, которая подавляет стремление к различию.

11. Футуролог Э. Тоффлер, констатировавший все возрастающий рост изменений в жизни социума, указал на то, что одновременно усиливался спрос на донаучные представления. Он увидел в этом начавшийся «бунт против разума» и «стремление к более простому, менее тревожному прошлому» [12, с. 367, 368]. В другом своем произведении Тоффлер прямо указывает на существующие тенденции по возвращению в Темные века, за которыми стоит политическая власть, стремящаяся контролировать знание и подавлять свободомыслие. Такая власть всячески будет противодействовать возрастанию гуманизма и «то, что происходит, – это атака на идеи просвещения, которые оказали такую большую помощь в индустриальную эру» [13, с. 455]. При этом футуролог не видит в самой религии той отрицательной силы, противостоящей демократии, а говорит именно о росте

фундаменталистских настроений. Речь идет именно об агентах новых Темных веков, которые запустили и поддерживают процесс подавления свобод и прав человека. Не случайно, что так вырос спрос на постапокалиптические сюжеты, где реализованы всевозможные дистопии. Цель таких агентов – это загнать человечество в «вечную неизменность», где время теряет свое значение. Заявленный ими эскапизм или возвращение к истокам и традиции не выходит за рамки «великого» похода в иномирье с его выдуманым бытием. Их видение творимого ими зла оправдывается порочностью этого мира и греховностью людей.

12. Рассматривая ситуацию с новоявленным коронавирусом как начало глобального кризиса, пекущиеся о судьбах человечества политики и эксперты не пытаются увидеть новый мир. Они озабочены сохранением собственного мира, который, как им представляется, и есть мир будущего. Особенно этим озабочены представители традиционных культур, которые считают, что настало время указать «место» западному миру – этой нетрадиционной цивилизации. Чего стоят, скажем, подобные рассуждения: «Как утверждает неомарксистская мир-системная теория, мир – это единая система со стабильными ядром и периферией и подвижной полупериферией. Нужно ли пояснять, что ядром существующей мир-системы является Запад, прежде всего его англосаксонский центр, одновременно представляющий собой культурную периферию этого ядра. Неизменность доминирования англосаксонского центра внутри ядра обеспечивается примитивизацией общественного сознания с внедряемым в него приоритетом экономики» [8]. О каком единении мира, и на каких основаниях, говорит автор, живущий воззрениями советской эпохи? Идейная близость для него важнее, чем понимание масштабных различий между китайской и российской культурами. А ведь даже сравнивая готовность жить в условиях неопределенности, мы обнаруживаем существенное различие: индекс России составляет 95 баллов против 30 в Китае [11]. В России люди нуждаются в гарантиях или обещаниях и не готовы жертвовать устоями как данностью. Не

случайно, что президент В.В. Путин постоянно говорит о необходимости сохранения традиций, но в отличие от председателя КНР Си Цзиньпина, молчит о собственной «российской мечте». Тем временем состояние экономики в данных странах говорит само за себя. Хотя, это не важно с точки зрения понимания того, что мир пока остается прежним, т.е. многополярным.

Список литературы

1. Вирусология: В 3-х т. Т. 1 / пер. с англ. М.: Мир, 1989. 492 с.
2. Гете И. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. VII. М.: Художественная литература, 1978. 526 с.
3. Гете И.-В., Шиллер Ф. Переписка. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1988. 540 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
5. Испанский грипп // Википедия / URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп (Дата обращения: 12.05.20).
6. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994. 495 с.
7. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», б.г. 448 с.
8. Павленко В. В пандемии рождается новый мир // Информационное агентство News Front / URL: <https://news-front.info/2020/03/27/v-randemii-rozhdaetsya-novuj-mir/> (Дата обращения: 23.05.20).
9. Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
10. Рассел Б. История западной философии. В 3 кн.: 4-е изд. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. 992 с.
11. Сарычева Л. Менталитет и экономика (Теория национальных культур Герта Хофстеде) // Клуб продажников. Сообщество менеджеров по продажам / URL: <http://www.prodaznik.ru/article/mentalitet-i-ekonomika-teoriya-natsionalnykh-kultur-gerta-khofstede> (Дата обращения: 23.05.20).
12. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
13. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 669 с.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. 588 с.
15. Хофстеде Г. Параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.
16. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Тотенбург, 2016. 476 с.

II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 82

А.Е. Горковенко
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

С.В. Петухов
Ленинградский областной институт развития образования,
кандидат филологических наук
E-mail: 888pes@gmail.com

A.E. Gorkovenko
Trans-Baikal state University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological sciences
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

S.V. Petukhov
Leningrad regional Institute of education development
candidate of philological sciences
E-mail: 888pes@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК НАРРАЦИЯ: ОПЫТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ РАССКАЗА АЛЕКСЕЯ САЛЬНИКОВА «ИСТОРИЯ ПРО САМЫЙ ДОРОГОЙ ТАРИФ, ЖИВОЙ ЖУРНАЛ И АНГЕЛА СМЕРТИ»

Аннотация: В статье представлен опыт филологического прочтения рассказа «История про самый дорогой тариф, живой журнал и ангела смерти» современного российского писателя Алексея Сальникова. Текст интерпретируется сквозь призму оригинальных повествовательных стратегий автора, в которых сочетаются реалистические и постмодернистские тенденции. Рассматриваются стилистические и языковые особенности рассказа, образная система, композиционные и сюжетные техники.

Ключевые слова: Наррация, рассказ, метафора, герой, интерпретация.

INTRPRETATION AS A NARRATIVE: EXPERIENCE OF PHILOLOGICAL READING OF ALEXEY SALNIKOV'S STORY "THE STORY ABOUT THE MOST EXPENSIVE FARE, LIVE JOURNAL FND THE ANGEL OF DEATH"

Annotation: The article presents the experience of philological reading of the story "The Story about the most expensive tariff, Live Journal and the angel of death" by the modern Russian writer Alexey Salnikov. The text is interpreted through the prism of the author's original narrative strategies, which combine realistic and postmodern trends. The article considers stylistic and linguistic features of the story, the image system, compositional and plot techniques.

Keywords: Narrative, story, metaphor, hero, interpretation.

Алексей Сальников – российский поэт и писатель, яркий представитель современной русской литературы. Его роман «Петровы в гриппе и вокруг него» был удостоен награды критического сообщества премии «НОС». Также это произведение, актуальность и популярность которого возросла в нашей стране в период пандемии коронавируса в 2020 году (контекст врывается в реальный мир), вошёл в шорт-лист «Большой книги» и стал лауреатом премии «Национальный бестселлер» в 2018 году.

Сведения о биографии Алексея Сальникова на сегодняшний день достаточно скудны. Он родился в 1978 году в городе Тарту (Эстония), с 1984 года живёт на Урале. Будущий писатель вырос в Нижнем Тагиле, переехал в Екатеринбург, сменил несколько профессий. Некоторое время он работал в кочегарке, как Виктор Цой, потом автослесарем, как его герой Петров, был копирайтером, и увлекался при этом поэзией, погружаясь в свои первые творческие эксперименты, как это произойдет с героиней романа «Опосредованно», где «стишки» ассоциируются с наркотиками. Сальников и дебютировал как поэт. Он проучился один семестр у Юрия Казарина на факультете литературного творчества Уральского государственного университета им. Горького. Его публикации, прежде всего поэтические, можно встретить в «Литературной газете», журналах «Уральская новь», «Воздух», «Урал», альманахе «Вавилон», выпусках антологии «Современная уральская поэзия».

Эстетические взгляды Алексея Сальникова можно определить по его немногочисленным интервью. Основные ориентиры в творчестве –

М.Е. Салтыков-Щедрин и Ф.М. Достоевский, хотя в его произведениях, на наш взгляд, заметно влияние и другой сатирической традиции русской литературы XX века – М. Зощенко. Современная российская словесность его абсолютно не интересует. Ироничный постмодернистский дискурс и интертекстуальность при всей реалистичности хронотопа в нарративах Сальникова составляют неотъемлемую часть его эклектичного творчества. Ведь не случайно литературная критика говорит о нем: «Пишет про нашу жизнь и делает это с пугающей пронизательностью».¹ Сам автор признается: «Я пишу с симпатией к своим героям и к месту, где живу».² Для Сальникова проза и поэзия – «разные отделы головного мозга»: «стихи – это от спинного мозга, это некая часть мозга, у которой нет доступа к зрительным нервам, она воспринимает реальность и пытается ее описать», «проза – это все-таки фабула, в любом случае», «воображение, внешнее впечатление от воображаемых образов и от того, что они говорят».³

Сальников привлекает своим очень нестандартным стилем и метафоричностью, объясняя это тем, что не хочет писать скучными фразами, пытаясь всячески их разнообразить и порою доводит нарратив до нелепости. Но при этом он старается оставаться реалистом при всей абсурдности создаваемого им мира: «Я стараюсь красиво не писать. Я противник литературщины. Описываю остановку, урну с окурками соответствующим языком. А если вот черные тучи, и золотой луч, и пятна листьев на мокром асфальте – это не ко мне. Я не Набоков».⁴

---

¹ Алексей Сальников: «Звучит абсурдно? Ну и что?» [Электронный ресурс] // Блог Артема Краснова: [сайт]. [Москва, 2020]. URL: <http://krasnov74.ru/2019/10/03/salnikov/> (дата обращения: 15.04.2020).

² Порошина М. «Теперь выплачу ипотеку...». Интервью с Алексеем Сальниковым [Электронный ресурс] // Год литературы: [сайт]. [Москва, 2020]. URL: <https://godliteratury.ru/projects/teper-vyplachu-ipoteku-intervyu-s-ale> (дата обращения: 12.04.2020).

³ Визель М. Алексей Сальников: проза — это все-таки фабула. [Электронный ресурс] // Год литературы: [сайт]. [Москва, 2020]. URL: <https://godliteratury.ru/public-post/aleksey-salnikov-proza-yeto-vse-tak> (дата обращения: 12.04.2020).

⁴ Порошина М. «Теперь выплачу ипотеку...». Интервью с Алексеем Сальниковым [Электронный ресурс] // Год литературы: [сайт]. [Москва, 2020]. URL:

Наррация является «результатом композиции, организующей элементы событий в искусственном порядке».¹ Интерпретация как наррация предполагает, на наш взгляд, анализ текста, связанный с оригинальными повествовательными стратегиями (техниками) автора. Основным способом презентации наррации является вербализация, то есть передача наррации средствами языка. Рассказ Алексея Сальникова «История про самый дорогой тариф, живой журнал и ангела смерти», впервые опубликованный в журнале «Сноб» в 2018 году, представляет собой образец неформатной повествовательной техники, в которой нарратив, иногда избыточный, определяет не только авторское композиционное построение текста, но и динамику сюжета. При этом языковые средства, используемые автором, делают произведение художественно ярким и насыщенным.

В рассказе Алексея Сальникова жену и детей главного героя Виктора сбивает автомобиль. Персонаж остается один, продолжает жить (или существовать) и однажды, случайно набрав телефонный номер, связывается с потусторонним миром и начинает вести разговор со своей покойной женой. О том, что происходит с ней и сыновьями за пределами земной реальности, он впоследствии узнает из блога живого журнала (ЖЖ) и лично от пришедшего к нему ангела смерти. Несколько раз Виктор пытается совершить самоубийство, и в конце концов именно ангел смерти, всячески пытающийся его предотвратить, обнаруживает главного героя мертвым на кухне.

Весь рассказ – это лаконичный нарратив, описывающий в деталях жизнь обычного персонажа, отчаянно пытающегося воссоединиться со своей семьей, с утратой которой ему пришлось столкнуться по воле случая. И этот случай будет играть решающую роль в судьбе Виктора от рождения до смерти.

<https://godliteratury.ru/projects/teper-vyplachu-ipoteku-intervyu-s-ale> (дата обращения: 12.04.2020).

¹ Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. с.159.

При всей серьезности описываемых ситуаций текст пронизан авторской в чем-то саморазрушительной иронией, писатель играет как со своим художественным миром, так и с читателем. Рассказ – плод сюжетной и композиционной игры (ироничных манипуляций) автора. Ярко выраженная сделанность – одна из примет текста. Нарратив автора в процессе восприятия произведения читателем дополняется воображаемым нарративом последнего, открывающего тексту новые варианты развития сюжета и дополнительные смыслы. И потому источником понимания и интерпретации одновременно выступают как автор, так и читатель.

Образная система рассказа тоже достаточно необычна. Персонажи как будто сконструированы, они не живые, а экспериментальные, карикатурные образы, которых и героями назвать сложно, они словно не живут, а существуют, ведут бессмысленное кружение по жизни и после смерти: «В том месте, откуда жена Виктора вела свой журнал, его дети успели уже немного вырасти, старший пошел во второй класс и плохо учился. Жена и дети ездили куда-то отдыхать, и было много их фотографий на берегу моря, шурящихся среди песка, гальки и воды. Уличные фотографии кишели незнакомыми людьми, жившими какой-то другой, своей жизнью, Виктору спирало дыхание от зависти к ним, он хотел туда же, а именно туда, где жена сидела на незнакомом диване, где жена сидела за столиком какой-то забегаловки с множеством друзей и улыбалась в объектив, где она сидела в халатике на кухне и что-то нарезала, хотел туда, где сын стоял с букетом на крыльце школы, ему было хорошо, что они не пропали совсем, но ему было плохо оттого, что он может прочитать об их жизни только в отрывочных записях, увидеть их жизнь только по фотографиям, когда он хотел быть среди них непрерывно, хотел сам быть одним из тех, кто был на снимках».¹

---

¹ Сальников А. История про самый дорогой тариф, живой журнал и ангела смерти [Электронный ресурс] // Сноб: [сайт]. [Москва, 2020]. URL: <https://snob.ru/entry/164092> (дата обращения: 28.04.2020).

Непременные атрибуты быта, детализация присутствуют в рассказе во всем их многообразии, вещизм преобладает; нет явного противопоставления вечного и вещного, как и двух миров – реального и потустороннего («Я атеист, который верит в литературу» - А. Сальников).

Особенности малого эпического жанра рассказа потребовали от писателя еще одной особой нарративной стратегии – создание вместительных по содержанию синтаксических конструкций. Например, в одном предложении представлена вся жизнь семьи: «И так он прожил с ней год, и у них родился сын, прожил два, и они совсем перестали ссориться, прожил три, и у них родился второй сын, прожил четыре, и один знакомый пригласил его работать к себе, прожил пять, и все окончательно наладилось у Виктора в семье и на работе, прожил шесть, и его жена вышла из декрета, прожил семь, и его жену и его детей сбил автомобиль».¹ Кроме того, в этих синтаксических конструкциях парадоксальным образом сочетаются статика и движение, динамичность и темп повествования задает ярко выраженная «глагольность» текста.

Персонажи в рассказе часто оказываются в абсурдных ситуациях, в которых пытаются разобраться, но тщетно (словно у Ф. Кафки в романе «Процесс»): «он в один из дней вертел в руках мобильный телефон и довертелся до того, что набрал дату рождения и смерти своей жены и послал вызов, и, к его удивлению, послышались гудки, (абсурдная ситуация) хотя номер он набирал с нужными точками и тире, чуждыми обычным телефонным номерам, а потом на том конце провода сняли трубку, и это была его жена, и она спросила спокойным голосом: «Да?», так что сердце Виктора чуть не остановилось от неожиданности и радости, и в первую минуту он заплутал в словах и выдавливал из себя только «это я», «привет», «как», и словно приступ астмы овладел Виктором, будто он разомдохнул из пылесосного мешка, а мир застило ему так, будто перед глазами его

---

¹ Там же.

появились длинные черные волосы, колышущиеся, как водоросли».¹ Все повествование – это своего рода сказочный, нереальный, сверхъестественный мир или реальный мир с врывающимися в него мистификациями, инфернальными силами. Тексту присущи сюрреалистичность, размывание границ между реальным и воображаемым миром. И особенно это видно на примере конструирования виртуальных «личин» через создание в рассказе страниц пользователей в блогах, социальных сетях (язык которых часто используется автором). А живой журнал, в котором ведет свой блог мертвая жена Виктора, вообще выглядит как оксюморон.

Мотив смерти, самоубийства – лейтмотив истории Алексея Сальникова. Он показывает тонкую грань между жизнью и смертью, последняя выглядит нелепой, случайной (как смерть Петрова-младшего от гриппа в романе писателя) – семью сбивает автомобиль.

Ироничность стилю придают авторские перифразы в духе М. Зощенко, когда привычные слова заменяются перифрастическими оборотами, канцелярскими штампами, имена – указанием на должность или социальное положение («шариковое перо», «счетная машина», «люди в количестве двух человек» и т.п.; мать Виктора без имени – просто лор). Весь рассказ стилизован под сказку, начиная с зачина: «Жил в одном городе из городов Рифея человек по имени Александр, и был он бедным, занятым лекарем, пришло время, и он взял в жены девушку, которая работала в его больнице лором, и вскорости она понесла и через девять месяцев родила мальчика, которого решено было назвать Виктором, в честь деда».²

Традиционная классическая линейная композиция: экспозиция, завязка, развитие действия (с кульминацией), развязка – получает авторское удвоение в нескольких возможных вариантах разветвления сюжета и эпилоге. Например, главный герой в один из дней вроде бы умирает, но вдруг на следующее утро его жизнь продолжается.

---

¹ Там же.

² Там же.

Вполне традиционный для литературы перенос развития из реального мира в мир мёртвых заменяется миром виртуальным (живой журнал). А два нарративных персонажа (Дмитрий и Кирилл), возникающие в финале, напоминают о множестве взаимосвязанных (и не очень) абсурдных событий, которые автор может представить читателю или слушателю в виде нарративной последовательности слов или образов.

Таким образом, в рассказе Алексея Сальникова «История про самый дорогой тариф, живой журнал и ангела смерти» реальность, о которой повествуется сквозь призму абсурда автора и постмодернистской иронии, расширяет свои границы, и обычная история превращается в сказочный нарратив с, казалось бы, бесконечным развитием, но в то же время неизбежным финалом.

УДК 82

С.В. Петухов
Ленинградский областной институт развития образования,
кандидат филологических наук
E-mail: 888pes@gmail.com

А.Е. Горковенко
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

S.V. Petukhov
Leningrad regional Institute of education development
candidate of philological sciences
E-mail: 888pes@gmail.com
A.E. Gorkovenko
Trans-Baikal state University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological sciences
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ВОЙНЫ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ
Ю. БОНДАРЕВА «МГНОВЕНИЯ»**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности языковой картины мира в сборнике рассказов Ю. Бондарева «Мгновения». В контексте современных лингвистических и литературоведческих исследований выявляются языковые маркеры войны в философских миниатюрах писателя. Впервые в контексте доминирующих военных маркеров образной системы анализируются художественные тексты автора – участника Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Языковые маркеры, военная проза, лирический герой, хронотоп, память, рассказ.

LANGUAGE MARKERS OF WAR IN THE COLLECTION OF STORIES BY YU. BONDAREV “LIFE MOMENTS”

Annotation: The article discusses the features of the language picture of the world in the collection of stories by Yu. Bondarev "Life Moments". In the context of modern linguistic and literary studies, language markers of war are identified in the writer's philosophical miniatures. For the first time, in the context of the dominant military markers of the figurative system, the author's texts – participants of the great Patriotic war – are analyzed.

Keywords: Language markers, military prose, lyrical hero, chronotope, memory, story.

Юрий Васильевич Бондарев – русский писатель-фронтовик, классик советской литературы, представитель так называемой «лейтенантской прозы» в русской словесности второй половины XX века. Его произведения о Великой Отечественной войне изданы многотысячными тиражами не только в нашей стране, но и переведены на восемьдесят языков мира.

В 1942 году он был призван в армию и направлен на учебу во 2-е Бердичевское пехотное училище в Актюбинске (Казахстан), откуда сержант Бондарев зачислен командиром минометного расчета. Уже после войны, вспоминая те события, он говорил: «Я и сейчас хорошо помню те сернистые ожоги стужи в степях под Сталинградом, ледяной холод орудий, которые за ночь мороз так прокалил, что холод металла чувствовался даже сквозь рукавицы. Помню жаркий газ от горячего казенника, пороховую вонь стреляных гильз, пустынное безмолвие звездного неба в ночное время. В моей памяти навсегда сохранились воспоминания о запахе твердого и

мерзлого, как камень, хлеба, сухарей, а также несказанный аромат солдатской «пшенки» в фиолетовости холодного зимнего рассвета» [1, с. 118]. Эти воспоминания красной нитью пройдут через все произведения автора.

Основная тема творчества Юрия Бондарева – подвиг советских воинов, а одна из поднятых на страницах его книг проблем – нравственного выбора человека. Сам писатель признавался, что только после войны он начал писать о ней, и всё, что написано о войне – «это искупление долга перед теми, кто остался там». Своими текстами Бондарев постарался осмыслить их судьбы.

В сборнике рассказов «Мгновения» можно отыскать уникальные авторские языковые маркеры войны, которые отражают эстетические и мировоззренческие взгляды автора. Концепт «война» – это один из значимых символов русской литературы.

Научное исследование как поисковый процесс языковых маркеров (наблюдение, описание, сравнение, анализ, систематизация) в отечественной филологии начинается, пожалуй, с 1973 года. Блестящие и единственные работы Верещагина Е.М. и Костомарова В.Г. в то время открыли межкультурную коммуникацию [3]. При этом необходимо отметить, что объект исследователей в парадигме лексики (слово, как устойчивый оборот – форма, конструкция), – представлялся доминантой. И слово (как лексическая единица) определялось и до сих пор определяется краеугольным камнем в фундаменте всех последующих лингвокультурологических изысканий: «Слово как отдельная языковая единица вмещает в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию» [2, с. 192]. По этой линии (от слова к действительности) появился ряд очень ценных работ, посвященных анализу языковых маркеров через лексический, фразеологический и афористический уровни. При этом соответствующие единицы, содержащие культурный компонент, формы речевого этикета, невербальные средства коммуникации, позволяют воспринимать художественный текст как феномен национальной культуры. Именно такими выступают рассказы Ю. Бондарева из сборника «Мгновения».

Автор, выступая в печати, не раз объяснял, что материал войны для него – это еще и возможность в ее конфликтах раскрыть нравственное содержание, драматизм «неделимой» жизни.

Языковые маркеры войны в рассказах Бондарева – это, прежде всего, ключевые слова-символы эпохи, слова-ключи, слова-хронофакты, свойственные определенному срезу времени слова-свидетели, лексические единицы, господствующие в понятийно-лексическом поле в соответствующем хронотопе [4, с. 34]. Для Бондарева таким хронотопом на протяжении всей его творческой жизни оставалась Великая Отечественная война.

На протяжении долгих лет Юрий Васильевич работал над циклом миниатюр «Мгновения», которые представляют собой краткие рассказы-раздумья о судьбах России: «Как я смею нескромно надеяться, эта книга, названная «Мгновения», имеет цель в сюжетах самого разного содержания рассказать моим современникам о нашем сложнейшем, смутном времени, если согласиться, что данная нам жизнь есть мгновение, а мгновение – жизнь» [1, с. 5].

Книга «Мгновения» объемом не более 160 страниц содержит выразительные по содержанию и смыслу литературно-философские эссе, лирические зарисовки и размышления, которые сам автор назвал мгновениями. Но даже в этих миниатюрных рассказах ярко и правдиво написано о сложных человеческих отношениях в обществе, о психологических, социальных и героических поступках, о событиях и явлениях жизни простого героя.

Высокий художественный стиль Бондарева с репрезентацией философских рассуждений зачастую перемежается с разговорным стилем, когда нужно показать войну изнутри, из окопов, от лица солдат (рассказы «На рассвете после боя», «Сталинград»).

В каждом из этих рассказов – свое ощущение жизни, где главным для автора являются «загадки памяти»: «Вся жизнь память задавала мне загадки,

выхватывая, приближая часы и минуты из военного времени, будто готово быть со мной неразлучно» [1, с.6]. Автор, как и его лирический герой неразлучен с военным временем.

Языковыми маркерами войны в большинстве из миниатюр сборника «Мгновения» выступают наряду с негативными понятиями «смерть», «зло», «оружие», такие светлые концепты, как «надежда», «счастье», «любовь».

В качестве языковых маркеров, передающих дух военного времени, могут рассматриваться и портретные характеристики героев, например, представителей двух поколений на войне: «...и около орудия два лица, заспанных, в пороховой гари, одно пожилое, хмурое, другое совсем мальчишеское...» («На рассвете после боя») [1, с. 6]. При этом вся внутренняя сущность персонажей отражается автором в диалогах, разговорном, «окопном» языке свидетелей той войны.

Неизбежно сосуществование в одном пространстве авторского сознания любви и войны. Эти языковые маркеры оказываются неразделимыми. В контексте рассказов сборника «Мгновения» война и любовь представляются как томительное ожидание («Ожидание»): «Иногда думаю, что и война была как бы длительным ожиданием, мучительным сроком прерванного свидания с радостью, то есть все, что мы делали, было за дальними границами любви» [1, с. 10].

В рассказе «Оружие» автор потрясен, «почему люди, подверженные, как и все на земле, ранней или поздней смерти, делали и делают оружие красивым, даже изящным, подобным предмету искусства? Есть ли какой-нибудь смысл в том, что железная красота убивает самую высшую красоту творения – человеческую жизнь?» [1, с. 12]. Один из главных маркеров войны – «оружие» – становится для автора противоречивым символом убийственной красоты, оксюмороном страшного времени.

В миниатюрах сборника Бондарева «Мгновения» можно заметить постоянное балансирование героя не только на грани жизни и смерти, но и на грани юности и зрелости (тоже своеобразные языковые маркеры войны,

лейтмотив в творчестве писателя). Так, в рассказе «В некий час» судьба пощадила героя на войне, но теперь он живет ожиданием смерти в старости. А в рассказе «Осенью» лучшими днями жизни представляются семнадцатилетнему курсанту всё, что было до войны (здесь чувствуется перифраз «Холодной осени» И. Бунина): «Да, ведь тогда была война, осень, окраина, заборы, редкие фонари, звенящие на ветру, и я шел мимо этих заборов на окраине, семнадцатилетний курсант пехотного училища, голодный, влюбленный, еще не знающий, что такое война, но мечтающий о подвигах так, как может мечтать мальчик в семнадцать лет, с верой в бессмертие, славу, в восхищенные от любви глаза той, которая терпеливо ждала меня вечерами в маленьком актюбинском дворе... Неужели это были лучшие дни моей жизни?» [1, с. 49-50].

В миниатюрном рассказе «Нас было много» мы наблюдаем языковой экспрессионизм в духе Ф. Кафки («все во фраках»). Бондарев фактически описывает военный хронотоп без имен, образов, все оказываются одинаковыми перед войной: «Нас было много, и мы шли туда, молодые, веселые, не ощущая угрозы непоправимого одиночества. Но какая безысходность песчинки охватывает меня, когда я думаю, сколько кануло нас в никуда, за той щелью заката, которая в кошмарных снах представляется мне» [1, с. 62]. Утрачено самое главное – молодость, в этих словах слышится отчаянный крик потерянного поколения Великой Отечественной войны.

В рассказе «Мое поколение» у Бондарева свое трепетное отношение к Истории, к Людям, ко Времени. Именно эти слова, обозначенные самим автором с заглавной буквы, являются доминантными языковыми маркерами войны: «Для меня ясно одно: главные участники истории Люди и Время. Не забывать Время – значит не забывать Людей, не забывать Людей – значит не забывать Время. Быть историчным – это быть современным... В нашей крови пульсируют токи тех людей, что жили в Истории. Они не знали и не могли знать, что знаем мы, но они чувствовали то, что уже не чувствуем мы. При ежесекундном взгляде в лицо смерти всё обострено, сконцентрировано в

человеческой душе. И вот этот фокус чувств чрезвычайно дорог мне» [1, с.116].

В одном из ключевых рассказов сборника «Мгновение мгновения» Бондарев как бы подводит черту под своими размышлениями о миге человеческого существования, об утраченной молодости и продолжительной старости: «Если долголетие Земли – мгновение микроскопической крупинки мировой энергии, то жизнь человека – мгновение наикратчайшего мгновения... Едва ли мы сможем объяснить, почему человеку дан срок не девятьсот лет, а семьдесят (по Библии), почему так быстротечна молодость и почему так длительна старость» [1, с. 107].

Исповедальным и предсмертным можно считать рассказ «Мгновение той великой войны», где автор вспоминает о своих однополчанах, простых русских солдатах, с которыми ему уже не суждено никогда встретиться при тех же обстоятельствах в мире ином: «Война мне снится всё реже, но сегодня на рассвете я вдруг представил дымок костра и утомлённые лица солдат моего взвода после ночного боя и долгих усилий при подъёме к перевалу орудий... Ясно слышу голоса солдат...Позднее оплаканные мною вызывают во мне какую-то новую любовь, такую тоску, невыносимую, что я уже не сомневаюсь: после той великой войны я остался из однополчан совершенно один на свете и скоро приду к ним, сяду около костра, в том другом мире, но вряд ли услышу их голоса, увижу их лица, тот придорожный костёр...» [1, с.137, 142,144].

В 2020 году, когда Россия отмечает 75-летие со дня Великой Победы, Юрий Васильевич Бондарев ушел из жизни, но в памяти потомков навсегда останутся отраженные им мгновения, в том числе художественно и философски запечатленные в одноимённом сборнике рассказов.

Список литературы

1. Бондарев Ю.В. Мгновения. Рассказы. М.: Издательство ИТРК, 2014. 480 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1973.
4. Мельник Ю.А. Языковые маркеры новейшего времени (на материале социолингвистических проектов «Слово года») // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11 (407). Филологические науки. Вып. 109. С. 34-42.

III. NEMO NASCICTUR DOCTUS

УДК 32

Н.В. Суранов
Забайкальский государственный университет,
Юридический факультет,
бакалавр политологии
E-mail: nik.suranov@bk.ru

N.V. Suranov
Trans-Baikal state University,
Faculty of law,
bachelor of political science
E-mail: nik.suranov@bk.ru

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НПО НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: В статье предложен опыт описания влияния неправительственных международных организаций (НПО) на политические процессы в странах демократии. Рассмотрено также влияние международных НПО на политические процессы в отдельных странах на примере Азербайджана, Армении и Грузии.

Ключевые слова: Неправительственные организации, политические процессы, гражданские инициативы, демократия.

INFLUENCE OF INTERNATIONAL NGOS ON POLITICAL PROCESSES IN INDIVIDUAL COUNTRIES

Annotation: The article offers an experience of describing the influence of non-governmental international organizations (NGOs) on political processes in democratic countries. The article also examines the influence of international NGOs on political processes in certain countries, using the example of Azerbaijan, Armenia and Georgia.

Keywords: Non-governmental organizations, political processes, civil initiatives, democracy.

Понятие «неправительственной» или «некоммерческой» организации (НКО), а также его определение критикуется рядом исследователей. Они

считают, что это определение обладает скорее отрицательными, нежели положительными содержательными чертами: формула «каждая организация, которую не учредило правительство и которая не извлекает прибыли, является неправительственной организацией (НПО)» не имеет конкретики, а ее основой является исключение и отрицание всех иных общественно-политических институтов и явлений¹.

По нашему мнению, особенности третьего сектора заключаются как раз в том, что от первых двух его отличает то, что ведет собственную деятельность в сферах, в которых нет достаточного государственного регулирования и бизнес интересов. Часто имеет место ситуация, когда ввиду деятельности правительства и бизнесменов происходит ущемление прав тех или иных групп общества (женщин, журналистов, мелких и средних предпринимателей и пр.), чем и обуславливается создание или осмысливается деятельность действующей НПО.

Разные учреждения пользуются различными терминами для НПО: «благотворительная», «некоммерческая», «добровольческая», а также «независимая» организация. Понятие НПО обладает множеством применений и большим количеством коннотаций. На такое разнообразие влияет продолжительность, размеры, сферы деятельности; идеология и правовой статус НПО.

Среди всех вышеперечисленных критериев самым важным является независимость НПО. Союз международных ассоциаций (СМА),² который был основан в 1970 году с целью сбора информации о всех видах организаций, выделяет несколько основных критерий для определения (независимой) НПО. Во-первых, НПО должна иметь международный характер, быть активной по крайней мере в трех странах. Во-вторых, членами НПО должны быть люди или группы людей из как минимум трех стран, а организация должна быть

---

¹ Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма, 2015. С. 43-44.

² СМА имеет самый большой в мире набор данных о международных организациях и предоставляет эти данные в своем ежегоднике «Международные организации». [Электронный ресурс] // URL: <https://uia.org/about>.

открыта для всех квалифицированных физических и юридических лиц. Третий и четвертый критерий касаются структур и сотрудников организации. Устав НПО должен предусмотреть формальную структуру организации, которая позволяет провести периодические выборы; штаб-квартира, руководящий орган и должностные лица. В-пятых, существенные финансовые взносы должны поступать из по крайней мере трех государств. В-шестых, организации, имеющие формальные связи с другими организациями, не всегда подлежат исключению из категории независимых НПО: требуется наличие доказательств, что эта НПО занимается независимой деятельностью и сама выбирает собственных сотрудников. В-седьмых, организация должна предоставлять доказательства относительно текущей деятельности.

Некоммерческий сектор начал свое становление и развитие в Западной Европе в восемнадцатом столетии. В число неправительственных организаций в текущем понимании могут быть отнесены организации борющиеся с рабством, которые были учреждены в Атлантическом обществе в конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого столетий: «Пенсильванское общество помощи свободным неграм незаконно находящимся в неволе» (Pennsylvania Society for the Relief of Free Negroes Unlawfully Held in Bondage), «Британское общество борьбы с рабством», а также «Европейское общество борьбы с рабством» учредили соответственно в 1775 году, в 1823 году и в 1839 году. Вообще, первые организации, которые занимались защитой прав человека, повлияли как на внутреннее законодательство (Акт о запрете работорговли от 1807 года, Англия), так и внесли большой вклад в аболиционизм квакеров. В результате, после войн Наполеона в мирных европейских переговорах проводилось обсуждение и вопроса по отмене рабства. В 1807 и 1808 годах запретили ввозить африканских рабов в колонии Британии и в Соединенные Штаты Америки. К 1833 г. в странах Европы был введен запрет на рабовладение. Данный прорыв в сфере защиты человеческих прав, который был закреплен в

законодательствах ведущих стран Запада (в Штатах рабовладение упразднила 13-я поправка к Конституции 1865 года), это – отчасти большая заслуга неправительственных организаций. Первые правозащитные организации, как правило, обладали краткой жизнью: лишь «Британское и зарубежное общество борьбы с рабовладением», которое основали в 1839 г., существует и в настоящее время (Anti-Slavery International). Соответственно, развитие неправительственного сектора во многом было обусловлено борьбой с рабовладением, которое в атлантическом обществе распространилось с конца восемнадцатого столетия¹.

Национальные и международные НПО ведут собственную деятельность в различных сферах общества: в экологии, здравоохранении, в сфере прав человека, экономическом развитии, гуманитарной помощи, образовании и науке и пр. Известны универсальные НПО, которые охватывают несколько либо же все указанные выше секторы (Карэ Интернейшнел), профильные или же узко специализированные НПО, которые решают проблемы того или иного сектора (Врачи без границ, Гринпис). Для лучшего понимания и анализа деятельности НПО требуется их классификация по ключевым сферам общественной деятельности:

- развития гражданского общества и демократии;
- экономики, финансов, торговли;
- здравоохранения, медицины;
- науки и образования, высоких технологий;
- прав человека;
- экологии, охраны окружающей среды;
- религии, культуры, искусства;
- спорта, организации досуга².

---

¹ Овсепян В.В. Проблема классификации НПО. М.: Вестник РУДН. Серия: Политология, 2016. №2. С. 77-86.

² Там же. С. 77-86.

Международные отношения сегодня отличаются рядом особенностей, вызванных завершением холодной войны, влиянием НТР, изменением ценностных ориентиров общества. Отличительной чертой нового этапа развития международных отношений можно назвать и возрастающее участие в них негосударственных образований, в частности неправительственных организаций¹.

В условиях усиливающейся взаимозависимости и распространения международных взаимодействий, государства уже не имеют возможностей для охвата и контроля за растущими масштабами глобальных проблем, обусловленными глобализацией: защиты прав человека, миграционных процессов, экологии, межкультурного взаимодействия, религиозных свобод.

«Декларация тысячелетия ООН» прямо призывает «предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ ООН»². Последние документы ООН также подтверждают возросшее значение неправительственных организаций в различных сферах деятельности и жизни человечества вообще.

МНПО являются объединениями общественных национальных организаций, групп, союзов, а также отдельных лиц из разных стран, которые были созданы с целью оказания содействия международному сотрудничеству в тех или иных сферах человеческой деятельности. Эти организации учреждались не на основе межправительственного соглашения, они не ставят своей целью получение коммерческих прибылей³.

Деятельность НПО национального и транснационального уровня относят к так называемому третьему сектору или к сфере проявления

---

¹ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятьдесят четвертая сессия. Доклад Генерального секретаря ООН «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке» А/54/2000 п. 315 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/russian/conferen/millenniuV2000-6.htm>.

² Декларация тысячелетия ООН. 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://законодательство.com/pravovi-akti-mijnarodni/deklaratsiya-tyisyacheletiyaorganizatsii232597.html>.

³ Шагабиева Е.Н. Международные неправительственные организации: их виды, особенности, категории, характеристика // Власть. 2010. № 9. С. 94.

гражданского общества, в отличие от государственной власти и коммерческого сектора.

В 2015 году в мире насчитывалось уже более 60 000 НПО. Относительно численности различных негосударственных акторов, оказывающих реальное влияние на мировую политику, практически не существует претендующих на достоверность оценок, поэтому о ней можно судить лишь на основании косвенных данных.

148 организаций имеют общий консультативный статус при ЭКОСОС, 3272 — специальный и 988 занесены в реестр¹.

Около 400 НПО обладают статусом участника в Совете Европы, что дает им возможность заседать в парламентских комитетах, руководящих комитетах и Комитете местных и региональных властей².

Количественный рост сопровождается ростом качественной составляющей: НПО активно расширяют сферу своей деятельности.

Негосударственные акторы часто оказываются более компетентными и лучше подготовленными. Большинство НПО узкоспециализированы и занимаются решением конкретных проблем: организации в области защиты прав человека («Хьюман Райтс Уотч», «Международная Амнистия»); гуманитарные («Врачи без границ», МККК); экологические («Гринпис», Всемирный фонд дикой природы); научные (Римский клуб, Пагуошское движение); религиозные (Всемирный Совет Церквей); спортивные (МОК) и др.

Они, по сравнению с государствами, международная деятельность которых связана с большим количеством ограничений, имеют в своем арсенале более совершенный набор средств для разрешения критических ситуаций.

---

¹ Сайт ЭКОСОС ООН – базы данных НПО [Электронный ресурс] // URL: <http://esango.un.org/civilsociety/display AdvancedSearch.do?method=search&sessionCheckfalse>.

² Кутейников А.Е. «Подлинная демократия» Совета Европы среди неисправных политических институтов европейских государств // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 3. С. 81.

НПО вследствие своей гибкости, динамичности, близости к действительности имеют возможности оперативно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую повестку дня. Они, выполняя роль связующего звена между государством и обществом, сообщают властным структурам об изменениях, предлагают новые, более совершенные подходы, пути выхода из кризисных ситуаций. Значительно повышает эффективность их работы и усиливает оказываемое ими на глобальные процессы влияние возможность объединяться в единые «зонтичные» структуры, федерации и транснациональные сети. Не ограничиваясь решением лишь социальных вопросов, НПО включаются в разработку проблем, которые ранее считались прерогативой государства, — международной и космической безопасности, миротворчества, изменения климата и пр.

По мнению некоторых западных экспертов (в лице экономических корпораций и торговых предприятий), НПО сегодня становятся основными двигателями глобализации. В этой связи все более очевидно стремление государств использовать потенциал НПО (и НГА вообще) для усиления своего влияния в межгосударственной конкурентной борьбе и оказания давления на внутривнутриполитическую ситуацию других стран.

В разных странах доля и активность НПО различна, но именно они оказывают все большее влияние на решение важных общественных проблем. Страны Евросоюза и США, в силу особенностей исторического становления, выступают яркими примерами развития НПО в качестве передовых структур гражданского общества. В США, например, почти треть бюджетных расходов на социально-культурные нужды получают именно НПО, в том числе более половины расходов на культуру, науку, социальную помощь и гуманитарные цели. Европа в вопросах формирования гражданского общества после Второй мировой войны опиралась на практику и помощь США, поэтому ее опыт взаимодействия с НПО и гражданским обществом во многом вторичен. Однако в Европе также поддерживаются гражданские инициативы,

направленные на развитие общественных структур, как на муниципальном, так и на общегосударственном уровне¹.

Сфера приложений усилий НПО в исламском мире исторически сосредоточена на благотворительной деятельности и решении социальных проблем малообеспеченных слоев населения².

Нередки случаи, когда страны ограничивают деятельность НПО. Так, правительства Эквадора, Аргентины, Японии, Тайваня, Южной Кореи разрешают регистрацию неправительственных организаций только в случае, если соответствующее министерство решит, что цели, для реализации которых оно создается, будут способствовать общественному благосостоянию.

Рассмотрим влияние международных НПО на политические процессы в отдельных странах на примере Азербайджана, Армении и Грузии.

В течение последующих десятилетий после приобретения южнокавказскими республиками суверенитета политическое участие НПО возрастало и постепенно затрагивало почти каждую сферу общественно-политической жизни южнокавказских государств: НПО принимали участие в урегулировании контактов конфликтующих сторон в период карабахской войны (с 1990 года по 1994 год); в разрешении острых экологических, социальных проблем; в организации прозрачных, справедливых выборов; занимались активной пропагандой как общих прав человека, так и прав наиболее уязвимых слоев общества (женщин, детей, пожилых и пр.).

За счет деятельности НПО в крупных армянских и грузинских городах была сформирована политически мобилизованная и активная молодежь, готовая отстаивать собственные гражданские, политические права, не опасаясь каких-либо репрессий со стороны властей. Тогда как в Азербайджане ситуация с гражданским обществом, а также его институтами обстоит по-другому: тут действуют симулякры независимых институтов,

---

¹ Сактаганова З.Г. Исторический обзор мирового опыта развития и функционирования неправительственных организаций (1980-2011 гг.) // Омский науч. вестн. 2013. № 3. С. 47.

² Там же.

которые подконтрольны властям и которые иногда осуществляют коллективные акции на нейтральные темы (патриотизм, детские права, спорт и пр.).

Может быть приведен ряд следующих примеров, которые подтверждают активное политическое участие, а также существенное влияние организаций на политические процессы в южнокавказском регионе: «революция роз», а также акции протестов (2007 год, Грузия), многотысячные митинги (2008 год), «Электрик Ереван» (2015 год), и «бархатная революция» (2018 год, Армения). Помимо этого, и в Грузии (в 2003 году), а также в Армении (в 2018 году) после событий во власть вошли бывшие активные члены либо же руководители этих организаций, не без участия которых готовили и реализовали саму смену власти.

Невзирая на то, что в течение последнего времени, особенно после украинского и сирийского кризисов, в международной политике можно заметить определенный «ренессанс» силовых (традиционных) методов в политической борьбе, «мягкая сила» по-прежнему актуальна, а в ряде регионов – сохраняет свое преобладание над первыми. Увеличение финансирования НПО со стороны других (помимо США и стран Запада) влиятельных субъектов мировой политики, таких как Россия, Китай, Индия, Турция и другие страны, не имеющие богатые традиции применения «мягкой силы», еще раз подтверждает убеждение в том, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах НПО сохраняют свое осязаемое влияние на внешнюю и внутреннюю политику государств.

Основные факторы становления неправительственного сектора в Азербайджане, Армении и Грузии, которые, естественно, влияли на развитие гражданского сектора как позитивно, так и негативно.

Во-первых, в годы Перестройки национальные элиты с помощью народных протестов, а также под гражданскими лозунгами реализовали собственные политические планы, связанные с приобретением независимости, и это выступило в качестве одного из факторов развала

СССР. Но данные протесты сохранились в памяти населения в виде прецедента достижения успехов в защите собственных интересов, прав при помощи активных выступлений. Это позволило преодолеть хроническую пассивность советских людей в сфере гражданских, политических свобод и прав.

Во-вторых, экономические, политические и социальные вызовы, а также проблемы, с которыми имели дело молодые страны в пределах всего постсоветского пространства, к примеру, на Южном Кавказе, объективно поспособствовали процессам развития гражданского общества, создания гражданских институтов и НПО. Последние сначала получали финансирование только из фондов и организаций США и Западной Европы.

Третий момент в том, что передовые ИТ, прежде всего – Интернет, выступили в качестве нового средства у активных граждан в деле борьбы за свои свободы, права. Интернет и соцсети создали при этом глобальные сети единомышленников в самых разных странах. А при помощи СМИ люди получают все больше информации и, соответственно, начали требовать от правительства принятия конкретных решений¹.

Основной фактор, который негативно повлиял на развитие институтов гражданского общества, это этно-территориальные конфликты вокруг Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии. В период острых конфликтов развитие гражданского общества было отодвинуто на второй план. Общество, которое находится в военном положении и которое лишено самого элементарного, продовольствия и бытовых товаров, не может думать об уровне защиты прав человека и гражданских свобод. Однако, не стоит упускать из виду тот факт, что, например, во время нагорно-карабахского конфликта НПО были активно вовлечены в миротворческие мероприятия.

В период военных столкновений и первые годы после непосредственной военной конфронтации, когда отсутствовали официальные

---

¹ Овсепян В.В. Роль НПО в становлении национальных государств Южного Кавказа. Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4. С. 203-212.

каналы между властями конфликтующих сторон, некоторые международные и местные НПО взяли на себя инициативу налаживания контакта между конфликтующими обществами. Ставилась цель поднятия гражданского сознания и демократизации постсоветских обществ в Армении и Азербайджане, как необходимое условие поиска мирных путей решения карабахского конфликта.

Несмотря на все изначальные сложности и препятствия на пути становления неправительственного сектора, НПО в течение последних двух десятилетий доказали свою эффективность, несмотря на параллельное существование институтов-симулякров. В настоящее время НПО в бывших республиках СССР можно рассматривать не только в качестве порождения Запада, как было на ранних этапах. Положительно, что Россия и Китай тоже выделяют ресурсы на неправительственные организации за рубежом. Россия в первую очередь сосредоточивает свои усилия на странах СНГ¹.

После развала СССР и краха советского строя, к началу 90-ых годов прошлого столетия властные структуры в регионе Южного Кавказа заняли в основном националисты, составившие ядро антисоветского диссидентского движения в 80-ых гг. Поскольку у последних не было опыта в государственном управлении и не имели достаточной поддержки со стороны мировых и региональных акторов, их вскоре свергли и заменили на политиков из прежнего поколения коммунистических элит (Шеварнадзе Э., Алиев Г.). В регионе Южного Кавказа представители старых элит, занявшие вновь политические посты после середины 90-х годов, исходили из своего окружения, которое сформировалось в период советской власти. Через десять лет бывшие советские элиты, осуществлявшие контроль за передачей власти в преимущественной части региона, оказались замененными своими же кадрами. Например, действующий президент Азербайджана И. Алиев является сыном бывшего лидера государства, а также влиятельного политика

---

¹ Овсепян В.В. Формирование современного неправительственного сектора. М.: Вестник РУДН. Серия: Политология 2017. № 1 (Т. 19). С. 83-90.

СССР. А в Армении, премьер-министра Сержа Саркисяна избрал преемником тогдашний президент Роберт Кочарян.

Знаменательное событие в сфере управления государством – это смена политического режима, происходившая в Грузии после т. н. «революции роз» (ноябрь 2003 г.). После успехов в отстранении политика «старой школы» от власти прозападно настроенное ЕНД запустило масштабные институциональные реформы. На протяжении 2-х сроков президентства Саакашвили реализовывались всеобъемлющие законодательные, судебные и административные реформы, которые делали коррумпированные институты Грузии более прозрачными и современными структурами. Эффективность реформ сказалась на рейтинге государства в докладах правозащитных МНПО. Переход власти от ЕНД к коалиции «Грузинская мечта» в 2012 году был первым за постсоветский период примером мирной конституционной смены власти. При этом, успешный переход Грузии еще не завершен.

Определенные факты расправы с прежними политическими представителями, которые происходят в текущей политической жизни республики, делают сомнительными достижения политических реформ. Помимо этого, отказ кабинета Саакашвили от мирного решения этно-территориального конфликта в Абхазии и Южной Осетии, вооруженный конфликт (август 2008 г.) – серьезное бремя для нового режима. Но, невзирая на определенные недостатки и провалы в построении демократии в Грузии, реформы в политической системе данной страны и мирная передача власти являются историей успеха, на которую делают ссылку деятели и организации в близлежащих странах, которые борются за создание гражданского общества.

С позиций некоммерческого законодательства в пределах всего постсоветского пространства опыт Южного Кавказа является наиболее интересным. Здесь могут быть найдены все 3 типа политических режимов, которые характерны для постсоветских стран: авторитаризм (Азербайджан), гибридный режим (в Армении это было до мая 2018 г.), а также режим,

которому удалось достичь некоторого успеха в процессах демократической трансформации (Грузия).

В течение первого посткоммунистического десятилетия НПО на Южном Кавказе функционировали, в правовом вакууме. Соответствующие законы «О некоммерческих организациях и фондах» и последующие поправки в них были приняты в преддверии или после вступления Грузии (1999г.), Армении и Азербайджана (2001) в Совет Европы. Это событие повлекло за собой серьезные правовые реформы как в законодательствах республик в целом, так и в системе некоммерческого права, в частности¹.

Большинство законодательных актов Армении, Азербайджана и Грузии содержат много общих положений, поскольку скопированы из западной правовой практики. Но, не обладая собственной базой некоммерческого права, молодые страны Южного Кавказа смогли успеть внести в свои законодательства те положения, которые приспособлены к местным политическим системам и которые способствуют устойчивому функционированию сложившегося политического режима. Ниже в таблице 1 показали ряд основных схожих и отличительных положений политико-правового регулирования работы НПО в ряде стран.

Таблица 1

Основные схожие и отличительные положения политико-правового регулирования деятельности НПО в Азербайджане, Армении и Грузии

Основные положения политико-правового регулирования деятельности НПО	Азербайджан	Армения	Грузия
Политическая деятельность НПО	—	—	—
Экономическая деятельность НПО	+	(строго запрещается законом)	+
Учредителем НПО может быть, как юридическое, так и физическое лицо	+	(только физическое лицо)	+
Законодательство определяет минимальный капитал для учреждения НПО	+	—	—
Обязательная регистрация полученных	+	—	—

¹ Овсепян В.В. Политико-правовое регулирование деятельности НПО в Азербайджане // 17-ая научная конференция студентов, аспирантов, молодых ученых, «Диалог цивилизаций: Восток – Запад». М.: РУДН, 2017. С. 280-291.

грантов			
Законодательство запрещает иностранным НПО иметь на территории страны больше 1-ого филиала или представительства	—	—	—

Современные международные и национальные НПО играют значительную роль в мировых политических процессах, а также региональных международных отношениях. В данном плане Южный Кавказ не является исключением. Со второй посткоммунистической десятилетки, НПО – влиятельные участники региональных политических процессов в Южном Кавказе. Данное влияние стало возможным за счет потенциала НПО к формированию общественного мнения и влияния на него, координации действий конкретных групп внутри общества (молодежи, студенчества, женщин, людей с ограниченными возможностями, секс-меньшинств и пр.), представлению и защите их интересов¹.

Ввиду большого количества факторов, прежде всего – финансовых, часто НПО, под видом неполитической и некоммерческой деятельности, занимаются продвижением интересов отдельных правительств либо бизнес кругов. Т. н. «цветные революции» могут выступить в качестве подтверждения этого тезиса, поскольку многие исследователи считают, что подобные протесты в народе организуют и координируют извне — определенные фонды и организации. Не последнюю роль эксперты отводят НПО в проведении «цветных революций» в пределах постсоветского пространства, а именно – на Южном Кавказе.

Например, уже неоднократно исследована и доказана решающая роль участия НПО в организации «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» и «Евромайдана» в Украине. Что касается «бархатной революции» в Армении, то существующая связь между местными ведущими НПО и членами нового правительства, а также схожие с грузинскими и украинскими методологические подходы к организации акции протестов,

---

¹ Овсепян В.В. Эволюция неправительственных организаций // 10-ый Всероссийский фестиваль науки, сборник научных статей. М., 2015. С. 318-325.

автоматически указывает на активную вовлеченность НПО-сектора в подготовке и реализации «революции».

С одной стороны, местные НПО либо же филиалы международных НПО в пределах всего постсоветского пространства, а именно – на Южном Кавказе, получают финансирование в основном из источников на Западе, из фондов, которые имеют непосредственную или опосредованную связь с правительствами стран Запада, прежде всего – США. И то, что собственной деятельностью эти организации способствуют разрушительным политическим процессам в ряде стран и в конкретный промежуток времени, взамен продвижения конкретных социальных, экономических, правовых и других проектов¹.

С иной стороны, противники «демократизаторов» используют тот факт, что разумные, критически мыслящие члены реального мирового сообщества проявляют скептическое отношение к Америке и ее союзникам, как к подлинной демократии. Правительства недемократических государств при помощи экспертов, центров аналитики, влиятельных общественных и политических деятелей, а также подконтрольных НПО продвигают идеи о якобы исключительных геополитических намерениях стран Запада, об отрицательных последствиях протестов, различных революций и пр., не обращая внимания на очевидные достижения неправительственного сектора. Они активно ведут политику очернения НПО, прикрепляя те или иные ярлыки к ним.

НПО не просто могут способствовать смене тех или иных политических режимов, они также осуществляют формирование или изменение общей политической культуры в отдельно взятых государствах либо регионах. Естественно, с позиций прогрессивного развития политической системы, построенная политическая либеральная культура является более важной и более перспективной, в отличие от способствования приходу к власти

---

¹ Овсепян В.В. Формирование современного неправительственного сектора. М.: Вестник РУДН. Серия: Политология, 2017. №1(Т.19). С. 83-90.

определенного политического режима, пусть и более демократичного, чем предыдущий.

Таким образом, можно сделать выводы, что в деле борьбы за суверенитет, а также последовавшем формировании национальных стран значительной ролью обладали неформальные неправительственные организации и движения. В частности, данные движения и организации, которые изначально претендовали на роли гражданских ассоциаций, совсем скоро стали себя позиционировать в качестве национально-освободительных движений.

После того, как республики Южного Кавказа обрели независимость, неформальные организации НОДов «перестроечного» периода выступили в качестве фундамента к формированию политических партий, тогда как их лидеры добились занятия руководящих постов в постсоветских республиках.

Если оценивать феномен НПО, то, как правило, мнения делятся на две ключевые группы, которые друг другу противоречат. Основой аргументов сторонников НПО является устаревшее убеждение в том, что американская демократия, не учитывающая национальных особенностей иных стран, является концепцией, универсальной для всего мира. А критики НПО, при этом, в собственных суждениях исходят из представлений о США периода Холодной войны. Анализ иностранного финансового потока для филиалов, а также местных НПО в Южном Кавказе показал ключевые направления, типы организаций, способных к изменению общественно-политической, экономической обстановки в одном государстве в интересах другого: прежде всего, идет речь об экологических и правозащитных НПО. Помимо этого, как полагают противники НПО, ключевая задача прозападных НПО – сформировать у политически активных граждан, прежде всего, у молодежи, представление о верном пути создания правового государства, а также гражданского общества по образцам развитых западных стран.

Выражая частичное согласие с этой позицией, стоит все же сказать и о положительных сторонах деятельности НПО. Прежде всего, за счет НПО

происходит подъем сознания граждан: они становятся более активными в политике и более готовыми отстаивать собственные свободы и права. Вторым моментом является то, что НПО распространяют собственную деятельность в т. ч. в тех сферах, которые остаются вне пределов внимания и интересов правительств ввиду различных причин (ограниченности ресурсов, отсутствия демократических институтов и пр.). Третьим моментом является то, что в изучаемых государствах постсоветского пространства НПО – это основные независимые институты гражданского общества, которые в будущем потенциально могли бы выступить в качестве фактора становления политических демократических режимов.